

Юрий Михайлович Лужков

Россия 2050 в системе глобального капитализма

2009-01-05

РОССИЯ ВНОВЬ ОБРЕТАЕТ СИЛУ

В июне 2006 года была опубликована моя статья "Мы и Запад". Она появилась накануне такого важного политического и действительно исторического события, как саммит лидеров стран "Большой восьмерки", который в июле 2006 года впервые прошел в России под председательством нашей страны.

Это само по себе делало актуальным осмысление наших отношений с Западом и миром в целом, наших внешнеполитических приоритетов. Однако одновременно Россия столкнулась с довольно странной на первый взгляд волной экзальтированных обвинений, домыслов и подозрений, которые расцвели пышным цветом в высказываниях западных политиков, набухли до размеров вселенской катастрофы в речах разнообразных общественных деятелей и растеклись булькающей жижей по страницам и экранам западных СМИ.

Нелишне будет напомнить и о том, что, выражаясь известными литературными аналогиями, "последней каплей", переполнившей чашу терпения и заставившей меня сесть за статью "Мы и Запад", стала реакция на решение запретить парад сексуальных меньшинств в Москве. Многие на Западе договорились до того, что это - нарушение демократии, нарушение прав человека. А наши традиции, наш менталитет, нашу мораль при этом учитывать не нужно.

Призывы в адрес России вернуться "на путь прогресса и демократии" методом проведения гей-парадов в центре Москвы можно было бы счесть просто досадными и неприятными. Если бы не одно "но". Если бы за всем этим, точно так же, как, например, за обвинениями в "энергетическом шантаже" или сетованиями по поводу того, что в России не развивается "демократия, как в Ираке", не стояло нечто большее. Если бы во всем этом не сквозило не просто непонимание, но и подчас очевидное нежелание понимать и адекватно оценивать смысл и логику тех процессов государственного строительства, экономического развития и демократических преобразований, которые происходят в нашей стране.

Иначе говоря, на самом деле за этим маханием "оранжевыми флажками" и выдумыванием магических заклинаний и проклятий в адрес России скрывается собственное нежелание Запада до последнего признавать некую новую реальность.

Суть ситуации, с которой Западу и, возможно, многим другим силам в мире сложно примириться, заключается в том, что Россия преодолела период революционных потрясений и национальной слабости.

Россия вновь обрела силу после взятого ею болезненного геополитического тайм-аута и тяжелых травм распада Советского Союза. Россия вновь выходит на мировую арену в качестве мощного, ключевого политического и экономического игрока.

Именно это и происходит. Не больше и не меньше. Нет никакой "империи зла", как раньше любили клеймить СССР на Западе. Нет никакого "авторитарного монстра". Есть Россия, которая вновь осознает свои национальные интересы и готова их защищать. Не лучше, но и не хуже, чем те же США, европейские державы, другие страны мира. Возможно, кому-то это трудно осознать, но сделать это все же необходимо. Просто для того, чтобы проводить реалистичную политику, адекватно оценивать ситуацию, строить нормальные и партнерские отношения с нашей страной.

У этой реальности восстановления Россией своих сил есть и другая сторона, важная прежде всего уже для нас самих. Раз уж мы вернулись в Игру, то не должно быть "головокружения от успехов", необходимо быть готовыми и к неспортивному поведению, и к тычкам с подножками, и к матчам на "чужом поле". И, что еще важнее, ни в коем случае нельзя допустить, чтобы восстановление нашей субъектности и активной роли в мировой политике и экономике произошло в соответствии с русской поговоркой "сила есть - ума не надо".

Без видения и понимания стратегической перспективы развития современного мира рассчитывать на успех в глобальной конкуренции не приходится. А такого видения России 1990-х и даже начала 2000-х годов остро не хватало. Мы смотрели в настоящее и прошлое, надеясь найти там магические рецепты "догоняющего развития". А смотреть надо в будущее - и России, и мира. Особенно учитывая то, что внешние, глобальные факторы и обстоятельства все более влияют на возможности внутреннего развития страны. Где-то ограничивают их, а в

чем-то предопределяют приоритеты и выбор необходимых решений в модернизации экономики и социальной сферы.

Сегодня ситуация очевидно меняется. За последние годы Россия сильно продвинулась не только в осознании своего внутреннего и внешнего положения и своих задач, но и преуспевает в их решении. С одной стороны, мы видим, что страна действительно обретает мощь на международной арене, восстанавливает полноту и эффективность использования своих институциональных позиций, природных ресурсов, геополитических и дипломатических возможностей для обеспечения национальных интересов и национальной безопасности. Модернизирует стратегические силы, поддерживает глобальные стратегии российского бизнеса.

С другой стороны, на уровне внутренней социально-экономической политики, достигнутая в России за последние годы стабилизация начинает преобразовываться в качественное развитие экономики и социальной сферы. Реализуются приоритетные национальные проекты и демографическая программа. Формируются инициативы по модернизации структуры экономики и обеспечению ее инновационного развития и технологического перевооружения.

Однако необходимо сделать следующий шаг. В современном мире граница между внешнеполитическими и внутренними вопросами стремительно стирается, почти исчезает.

Это требует принципиально новой, более тесной и последовательной интеграции между собой планов социально-экономического развития страны с ее внешнеполитическими и внешнеэкономическими задачами.

Именно поэтому книга, которую вы держите в руках, является для меня продолжением темы, начатой ранее в работе "Развитие капитализма в России. 100 лет спустя" и затем продолженной в исследовании "Сельский капитализм в России: столкновение с будущим".

Многие из поставленных в первых двух книгах вопросов и обозначенных задач государственной социально-экономической политики и управления становятся еще более очевидными и насущными, если взглянуть на них с точки зрения закономерностей, тенденций и перспектив глобального развития.

Речь идет, например, о политике управления и использования сырьевых и природных ресурсов России, включая не только нефть и газ, но и земельные, лесные и водные ресурсы. Новые аргументы появляются в споре относительно целесообразности вступления России в ВТО, обеспечения продовольственной и национальной экономической безопасности в целом.

Дополнительное звучание приобретает дискуссия о необходимости использования национальных резервов и сырьевых экспортных доходов для решения задач постиндустриальной модернизации страны, формирования "новой экономики" и "зон технологического прорыва", опережающего развития инфраструктуры - транспортной, энергетической, жилищно-коммунальной, информационной, инфраструктуры безопасности и управления. В не меньшей, а то и в большей степени это касается принципов модернизации науки, социальной сферы и так называемых социальных отраслей экономики - образования, здравоохранения и культуры.

Актуальными и понятными становятся и акценты демографической, миграционной политики, политики в отношении наших соотечественников за рубежом. То же самое можно сказать о задачах дезурбанизации, возвращения людей в деревню, возрождения и строительства в России новых малых городов.

А все это вместе выводит на более глубокое осмысление значимости эффективной "пространственной организации" национальной экономики, необходимости ускоренного освоения, новой "колонизации" территории страны. Укрепляет понимание того, что сохранение и развитие федерализма было и остается одним из наших ключевых конкурентных преимуществ в ускорении экономического роста, в решении задач социальной модернизации и обеспечении глобальных позиций России.

Наконец, становится понятным, что необходимо существенно расширить горизонты планирования национального развития. Причем сделать их не только по-настоящему долгосрочными, то есть ориентированными как минимум на 10-15-летнюю перспективу, но начать мыслить наше развитие в категориях управления из будущего.

Это означает, что наши сегодняшние взаимосвязанные действия в области внешней и внутренней политики должны быть, во-первых, максимально подчинены цели достижения Россией необходимого и оптимального для нее положения в "завтрашнем дне" развития

человечества. А во-вторых, - по возможности ориентированы на управление тенденциями мирового развития, то есть изменение прогнозируемых сегодня характеристик "мира будущего" в нужном нам направлении.

Для этого нам совершенно необходимо понять, каков мир сегодня, как и куда он идет. Определиться в том, какое место Россия занимает сейчас и какое хочет занимать в мире, в мировой политике и экономике в ближайшие десятилетия. Уточнить в соответствии с этим долгосрочные основы нашей национальной социально-экономической политики. Научиться эффективно влиять на глобальную политику и тенденции развития современного мира. А затем, добившись усиления своих позиций на международной арене, конвертировать обретенные преимущества в новые дополнительные выгоды и перспективы для национальной экономики, для нашего общества, для всех граждан страны.

Способность ясно и четко выстроить подобный "алгоритм будущего" для России - залог эффективности и внешнеполитической стратегии, и внутренней социально-экономической политики. Это - первооснова конкурентоспособности России и в современном мире, и том мире будущего, который сегодня только формируется, но требования которого необходимо учитывать уже сейчас.

МЫ И ЗАПАД

Отношения России и Запада сегодня точнее всего характеризуются одним словом - недоумение. Это недоумение взаимное. Его первопричина - в той суетливой растерянности и шумном беспокойстве, которые столь явно прослеживаются в последнее время в реакции стран Запада на происходящее в нашей стране. Происходящее в России и с Россией Западу очевидно не нравится. Но за этим "не нравится" скрывается гораздо более глубокая вещь, фундаментальное беспокойство западного мира за свою собственную судьбу.

Причины подобной ситуации требуют прояснения, тем более что из сказанного уже ясно: отношения России с Западом отнюдь не случайно являются отправной точкой для всего анализа тенденций и процессов, происходящих в мире, и позиций нашей страны в нем.

Существует "тайна Запада", которую он ревностно охраняет. Эта тайна - как та волшебная игла в сказочном яйце - связана с жизнью и смертью феномена Запада. А значит, само наличие такой тайны является большим секретом. И она, опять же, почти как в той самой сказке, много

раз спрятана, обернута, зашифрована и закамуфлирована в самые разные слова и дискуссии о демократии, общечеловеческих ценностях и глобальных угрозах.

Поэтому-то и нужно задаться вопросом о том, а что есть Запад? В чем смысл и основа этого понятия, можно ли вообще в современных условиях говорить о существовании "Запада" как некой единой политической реальности современного мира? Наконец, в чем смысл нынешнего отношения Запада к России, почему справедлив вывод о том, что Запад рассматривает Россию как один из ключевых ресурсов - и не только в смысле "сырьевого придатка" - для собственного будущего?

Только после этого можно осмысленно ответить на вопрос о том, какие отношения с Западом нужны России и в чем, если не в простом присоединении к западному миру в качестве донора, может состоять содержание этих отношений. А также в чем, в более широком плане, должна заключаться стратегия поведения и развития России в современном мире.

ВЕКОВОЕ НЕПОНИМАНИЕ

Прежде всего, за нынешней нервной реакцией на Россию, несомненно, стоит вековая история. Несмотря на историческую принадлежность России к европейским нациям, несмотря на ее развитие не только в контексте, но и в постоянном соучастии европейской истории и культуре, Европа ("мать" современной западной цивилизации) традиционно испытывала к нашей стране смесь тяготения и страха. Сегодня оба эти исторических европейских чувства вполне свойственны и всем иным странам Запада, начиная от США и Японии и заканчивая "новообращенными" из числа стран Восточной Европы и республик Прибалтики. Для последних, впрочем, подобное отношение отягощено еще и постсоветским неприятием России, которым "новые европейцы" постоянно, иногда небезуспешно, пытаются заразить остальную Европу.

За исключением этого последнего случая все подобные эмоции исторически проистекают из завораживающего, хоть на карте, хоть в действительности, "географического" ощущения соседства с обширной, необъятной и суровой территорией России. Сверх того, из подобного пространственного ощущения вырастает иногда смутное, а порой и вполне отчетливое понимание того, что "мы рядом и мы вместе, но мы не есть одно и то же".

Без малого полтора столетия назад выдающийся философ и историк Николай Данилевский совершенно точно описал эту проблему. Видя перед собой Россию, Европа "инстинктивно чувствует, что под этой поверхностью лежит крепкое, твердое ядро, которое не растолочь, не размолотить, не растворить, - которое, следовательно, нельзя будет себе ассимилировать, претворить в свою кровь и плоть, - которое имеет и силу и притязание жить своею независимую, самобытную жизнью".

Вот с этими "силой и притязанием" России быть независимой и самобытной, а также с невозможностью "растолочь и растворить" российский суверенитет никак и не может примириться Запад.

Поэтому, как писал тот же Данилевский, Россия не перестает постоянно выслушивать одни и те же обвинения в том, что она имперское, "завоевательное государство", да к тому же представляет собой "мрачную силу, враждебную прогрессу и свободе".

С тех пор мало что изменилось. На Западе по-прежнему преобладают подозрения в "опасности", которую представляют процессы, происходящие в нашей стране. Российскую политику продолжают анализировать на основе тех самых вековых стереотипов, представлений о том, что для России якобы характерны "авторитаризм", "имперскость", "экспансия".

Вновь "отовсюду мы слышим стоны". Здесь и глубокомысленные размышления о настигшем Запад кризисе в отношениях с Россией. И дипломатичная "озабоченность" планами России по развитию и укреплению собственной экономики. И призывы защитить мир от энергетической экспансии русских, подминающих под себя соседей. И удрученные стенания о "русском медведе", не понимающем и топчущем демократию. И совсем уж эмоциональные вскрики о пресловутых российских имперских амбициях с призывами соорудить вокруг нашей страны новый санитарный кордон и хоть какой-нибудь занавес.

Понятно, что весь этот накал страстей, этот поток сознания вызывают, в свою очередь, недоумение уже в нашей стране. По меньшей мере России хотелось бы обсуждать взаимные вопросы и общие проблемы, с одной стороны, без умолчаний и обтекаемых фраз, а с другой - без домыслов и двойных стандартов. Желательно также - без нафталиновых стереотипов политиков-динозавров фултонской эры и ее вильнюсского периода.

Реальность же заключается в том, что именно Запад крайне тяжело, неохотно избавлялся и, главное, все еще далеко не полностью избавился от собственных комплексов по поводу России.

Отношение к нашей стране продолжает причудливым образом колебаться между боязнью и восторгом. Так, страх перед большевиками, "мировой революцией" и СССР сменился восторгом по поводу "перестройки вплоть до разрушения" конца 1980-х, а затем - анархии государственного безвременья и готовности России заложить саму себя за похвалу "мирового сообщества" в 1990-е годы. Восторг усугублялся практически бесплатным в условиях российского хаоса доступом к нашим национальным ресурсам.

Нет ничего удивительного в том, что соответствующая эйфория повлекла на Западе болезненную "ломку", как только Россия начала приходить в себя, обретать силу, восстанавливать свои позиции. И вот уже снова "на коне" отправленные было на пенсию советологи, истосковавшиеся по страхам обывателей перед "дремучей Россией" и по грантам на спекуляции вокруг "возрождения советского Франкенштейна", наступления "конца времен", который якобы тут же и случится, как только российское государство еще немного окрепнет.

В общем, недостатка в грозных пророчествах Запад не испытывает. И эти "качели эмоций" никак не замедлятся где-то посередине - там, где есть твердая почва под ногами и возможность взглянуть наконец на Россию спокойно и реально.

В конечном счете, вопрос понимания процессов, происходящих в России, - это, в том числе, и вопрос доброй воли Запада. Объективная оценка развития России позволяет говорить, что стакан наполовину полон, а не наполовину пуст. Ложные подозрения по поводу России, ее целей и интересов способны только расплескать воду в стакане, а вовсе не наполнить его. И здесь многое зависит от умения посмотреть на происходящее под новым, современным углом.

За последние 15 лет в России произошли революционные преобразования, возникла совершенно новая реальность. Сегодня период революции завершен, новая Россия "встает на ноги". Демократический путь ее развития не подвергается сомнению. Представления о том, что "усиление государства" несет в себе опасность, являются беспочвенными.

Наконец, здесь уместно также задать вопрос: почему Запад даже не пытается, по крайней мере сейчас, заставить, например, тот же Китай перестроиться под европейские или американские схемы? А в отношении России такое стремление постоянно присутствует? Все

дело в том, что Запад считает, как, впрочем, и мы сами, Россию страной европейской. И это верно. Ошибка, однако, состоит именно в желании и попытках Запада провести на этом основании в России стандартный "евроремонт", игнорирующий историю, масштабы и традиции нашей страны.

Но ведь ошибка эта не случайна. Точнее, с точки зрения Запада это и не ошибка вовсе, а насущная задача - поглотить Россию, поставить ее ресурсы на службу собственным задачам, нарастить за ее счет свои мощь и возможности.

В силу исторической традиции и опыта прошлого, Запад не видит иных вариантов взаимоотношений с Россией помимо ее полного и безоговорочного присоединения к западной цивилизации, или же противостояния и соперничества в рамках той или иной системы "полюсов" международных отношений.

Чтобы избежать подобных упрощенных и опасных подходов, России и Западу жизненно необходимо сделать свои отношения более сложными. Сложными в том смысле, что они должны стать многограннее и полноценнее. Для того чтобы это произошло, нужно уйти от наследия прошлого, избавиться от вековых страхов и замызганных трафаретов недавней "холодной войны". Перестать рассматривать отношения почти исключительно через призму исторических обид и подозрений, потенциалов сдерживания, необоснованных умозаключений относительно "мрачных сил" и эфемерных стандартов соответствия или несоответствия принципам "прогресса".

В отношениях России и Запада в качестве камертона и главной идеи должна появиться мысль о том, что обеспечение устойчивости и стабильности взаимного сотрудничества и партнерства на всех уровнях - от глобального и стратегического до двухсторонних отношений с отдельными странами Запада по текущим вопросам, - не обязательно подразумевает "превращение России в Запад".

То есть, в частности, ее полную институциональную интеграцию и растворенность в наднациональных структурах западного единства - НАТО или Евросоюзе. Или же вхождение России на кабальных условиях в структуры западного глобального доминирования и экспансии, к каковым не без оснований по многим параметрам можно отнести ВТО. Или, наконец, безусловное и беспрекословное принятие Россией неких якобы универсальных, единственно возможных стандартов политической организации и демократической

процедуры, которые в действительности зачастую объявляются Западом таковыми не более чем для использования в качестве инструмента контроля и ограничения национальных интересов других стран.

Для выхода из этой ситуации, преодоления недоумения и недопонимания, есть точный рецепт, сформулированный еще Конфуцием: "Если имена неправильны, то слова не имеют под собой оснований. Если слова не имеют под собой оснований, то дела не могут осуществляться.". В отношениях России и Запада на данный момент как раз и необходимо подобное "исправление имен", отказ от неправильного понимания слов, смысла событий и логики отношений.

ДРУГИЕ ПРАВИЛА ДРУГОЙ ИГРЫ

Когда, например, речь заходит о демократии, весь сонм советологов, подобно старой артиллерийской лошади, услышавшей зов полковой трубы, начинает бить копытом на тему "похорон демократии в России". Однако дело обстоит совершенно иначе. Процессы демократизации в России отличаются своей спецификой. Эта специфика в том, что демократический транзит последних 15 лет в нашей стране практически не имеет аналогов в ее истории. Все новое всегда тяжело в освоении, чревато ошибками и необходимостью их исправления.

Именно этим исправлением Россия сегодня и занимается. Потому что десятилетнее плавание "без руля и ветрил" в 1990-е годы привело нацию к пониманию необходимости более осмотрительного движения в будущее, разумного консерватизма, осторожности в дальнейших преобразованиях.

России нужна политика увязывания между собой традиционных ценностей, без которых общество перестанет существовать, с демократией, без которой общество не сможет развиваться.

Именно такая политика и проводится в России сегодня. Хочется еще спросить, а где она не проводится? Не будет же кто-либо всерьез утверждать, что существуют некий единый

"штамповочный" стандарт демократии и один-единственный на весь мир "конвейер" по ее сборке. Хотя, возможно, кому-то и хотелось бы, чтобы так было.

Любая страна стремится к оптимальному сочетанию ценностей своей истории и культуры с институциональными механизмами демократии. Аналогично в мире существует не одна-единственная модель автомобиля на все времена, и люди ездят на том, что им удобнее и нужнее, - от малолитражек до внедорожников. И модели эти значительно отличаются друг от друга - как "тойота", "мерседес" или заокеанский "форд".

Точно так же и в России сегодня формируется собственная национальная модель демократии, которая тесно связана с отечественной политической традицией, принципами национальной политической культуры и духовности. Только такая модель демократического развития органична для России.

Здесь нельзя не напомнить о том, что демократия сама по себе в значительной мере является феноменом культуры, а те или иные ее модели обусловлены развитием и изменением социокультурной ситуации. Это означает, что, с одной стороны, потребность в демократии формируется только изнутри самого общества. Экспортировать, навязать демократию однозначно невозможно. Что мы и видим сегодня, когда именно западный мир, реализуя свои цели и ценностные ориентиры в международном масштабе, оказался перед лицом необходимости взять на себя ответственность за немалое число стран и народов, которые, отвергнув под политическим или даже военным давлением традиционные принципы политической организации, утратили и стабильность, и эффективность. Оказались беспомощными не только перед лицом глобализационных устремлений "цивилизованного человечества", но и перед дьявольскими силами "теневого глобального мира".

С другой стороны, мы не можем сказать, какова будет формула организации власти в будущем, в том числе и на Западе. С началом XXI века в странах Запада очевиден подъем "новой правой волны", содержание требований которой, в отличие от "неоконсервативной" волны начала 1980-х годов, носит уже не столько экономический, сколько социокультурный характер, причем зачастую достаточно авторитарный, с тенденцией к некоторому ограничению демократии.

Угроза размывания западных обществ изнутри, которая ранее носила в основном абстрактный или сугубо локальный характер, сегодня вышла за рамки тех анклавов

чужеродных культур, которые формировались в западных обществах на протяжении последних десятилетий. Этнические и религиозные меньшинства, постепенно наполнявшие собой страны Запада, глубоко укоренились и разрослись до значительных величин, перешли к активной стратегии "встраивания" в западные общества, точнее - к их "модификации" с учетом своих ценностей и интересов (достаточно вспомнить так называемый карикатурный скандал или массовые волнения во Франции).

Это не только ведет к "сбоям демократии", но и создает довольно широкий общественный запрос на ее ограничения в тех же европейских обществах, где, несмотря ни на что, до сих пор сильны патриархальные традиции и ценности. Эта тенденция сегодня затрагивает не только национальный политический процесс во многих странах Европы, но и непосредственно грозит остановить и обратить вспять европейскую интеграцию.

И даже США, которые всегда являлись неким эталоном, образцом общества особого типа, так называемого плавильного котла, где все нации, народности, этносы, культуры и религии переплавлялись в единую "великую американскую нацию", не могут больше эффективно поддерживать необходимую температуру в своей домне социальной стабильности.

Кроме того, на Западе проявляется и иная, достаточно очевидная сегодня тенденция, возникшая как ответ на вызовы и угрозы международного терроризма и "всемирного подполья". С ней, например, связано возникновение такого феномена, когда не только теневые сетевые структуры, но и отдельные персонажи типа Усамы бен Ладена отчетливо претендуют на квазигосударственный статус, в том числе на территории собственно Запада. Поскольку пытаются утвердить за собой ключевой признак государственной организации - монополию на насилие, причем легитимизируемое именем веры и справедливости.

Беспрецедентный рост потенциальных степеней "разрушительной свободы" перечисленных выше процессов для современных демократических режимов не может быть бесконечным и не может не породить ответные тенденции со стороны традиционной социальной структуры и государства. Пусть сегодня связанные с безопасностью ограничения демократии носят на Западе временный и форсмажорный характер, но это не означает, что они не могут приобрести системный характер в будущем.

Наконец, нельзя забывать и о том, что современная наука устанавливает тесную взаимосвязь между политическими институтами, системой государственного управления и возможностями экономического роста. И вопрос тут не в том, что демократические и

децентрализованные системы управления экономически более эффективны. Вопрос в том, для решения каких задач они более эффективны.

Так, с одной стороны, для решения задач индустриального развития более эффективными могут быть и авторитарные системы. Такие же системы могут быть более эффективны и в переходных условиях. Нельзя исключать, что глобальный мир будущего также станет создавать ситуации большей экономической эффективности для режимов с авторитарной компонентой. По крайней мере пример современной "догоняющей глобализацию" экономической модернизации Китая заставляет об этом задумываться.

С другой стороны, сам по себе уровень демократичности также ничего не гарантирует. Дело в том, что даже во вполне демократическом обществе может возобладать тенденция не к качественному развитию, а всего лишь к консервации и проеданию существующих экономических и социальных ресурсов. Как правило, это происходит в тех экономиках, которые сильно ориентированы и зависимы от природных ресурсов. Результатом же является утрата обществом нацеленности на развитие и сосредоточение на извлечении ренты из существующего положения. Причем демократизм политической системы может даже усугублять это положение, тогда так наличие определенной авторитарной воли подчас позволяет вытащить общество из ловушки стагнации, повысить качество бюрократического управления и законодательства, сформировать и реализовать качественные приоритеты развития.

Стоит также напомнить, что в России процессы политического развития до недавнего времени сопровождались ослаблением и "полураспадом" государства, вплоть до превращения его в орудие воровства, инструмент манипуляций и циничных интриг в руках отдельных групп и даже личностей. Такая олигархическая демократия в любом случае может и должна быть названа слабой. Если ко всем этим "семибанкирщинам", медиатерроризму и залоговым хищениям вообще применимо понятие демократии.

То, что мы имеем сейчас в России - это процесс "исправления" неотличимой от олигархической анархии "дефективной демократии".

Это ничто иное, как процесс усиления демократии. Пусть сложного, но развития институтов демократии, укоренения демократических традиций в обществе. Этот процесс идет долго, иногда болезненно. Он связан с необходимостью завершения переходного

периода, осуществлением системной экономической и социальной модернизации, преодолением опасностей "сырьевого проклятия". Но это, несомненно, процесс строительства сильного демократического государства, которое может и должно быть достойным, равноправным членом мирового сообщества "суверенных демократий".

В существующих же опасениях относительно "имперских устремлений" России в еще большей степени проявляется прозябание в прошлом многочисленных "неосоветологов". Иногда кажется, что Запад продолжает мыслить категориями противостояния СССР и США. Несмотря на то, что "холодная война" завершилась, в головах многих политиков и экспертов продолжает бесновато пульсировать мысль - "боксерский поединок продолжается!" Завершен, так сказать, только первый раунд, а впереди еще долгий обмен ударами. На самом деле, "бокс" закончился, и мы уже давно играем в другую игру. Может быть, это шахматы, и тогда стоит напомнить нашим оппонентам, что приличные игроки не пытаются переворачивать шахматную доску в сложной позиции и не подменяют незаметно фигуры. Или, может быть, современная история вообще требует нашей игры вместе, в одной футбольной команде. И тогда нам тем более нужны сыгранность, "чувство партнера", умение понимать друг друга с полуслова.

Однако именно из-за боксерских стереотипов там, где должны звучать понятия "национальные интересы" и "сотрудничество", звучат слова об имперских амбициях и противостоянии. И снова кто-то бьет в набат "холодной войны" по поводу повышения обороноспособности России. Хотя очевидно, что Россия должна и имеет право противостоять чужой политике, когда та угрожает интересам России и ее граждан, национальному суверенитету, целостности и стабильности государства. Точно так же, лучше многих других стран понимая опасности экстремизма, терроризма и сепаратизма в современном мире, Россия является активным членом и участником международной антитеррористической коалиции.

Повышение обороноспособности - это абсолютно нормальная демонстрация всем силам в мире (включая теневые и террористические) того, что Россия - не проходной двор для их далеко не вегетарианских, волчьих позывов. А также того, что Россия готова сотрудничать с другими странами в обеспечении стабильности мирового порядка. Абсолютно то же самое делают все остальные страны мира, которые не собираются кончать жизнь самоубийством.

Что касается экономики, то оставим в стороне даже то, что Россию 15 лет учили жить по рыночным законам, а теперь досадуют, что она оказалась хорошим учеником. Главное заключается в том, что энергетические ресурсы являются ее объективным конкурентным преимуществом. Россия готова сотрудничать и вкладывать эти ресурсы в обеспечение энергетической и, более широко, экономической безопасности всего мира. Но наша страна рассчитывает на предоставление ей равных и справедливых возможностей участия и сотрудничества в других глобальных экономических процессах. От того, что такая позиция подвергается сомнению, реальность не меняется. Если Запад боится сотрудничества или отворачивается от него, то это лишь усиливает восточное направление наших экономических приоритетов.

ТАЙНА ЗАПАДА

Тем не менее у упорства, с которым Запад наставляет Россию "на путь истинный" и отстаивает принципы "превращения" нашей страны в неотличимое подобие себя, есть и иные фундаментальные причины. Они связаны как раз с пониманием того, что собой представляет сегодня Запад и в чем заключается его стратегия в современном мире.

Несомненно, западный мир далеко не един и не монолитен. Но нельзя опрометчиво и преждевременно выбрасывать данное понятие на свалку истории как пережиток "холодной войны", хотя именно сложившаяся после Второй мировой войны система международных отношений, "холодная война" и блоковое противостояние с СССР как раз и породили современное понимание и современную структуру западного мира.

Сегодня мы имеем достаточно оснований видеть Запад как относительно единую военно-политическую, ценностную и отчасти геоэкономическую реальность современного мира. Даже если между странами Запада существуют объективные геополитические, а также экономические противоречия и конкуренция, при определенных обстоятельствах эти разногласия оказываются гораздо слабее таких вещей, как, например, европейская или трансатлантическая солидарность. Мы можем это видеть, в том числе, и в нынешнем российском энергетическом диалоге с Европой в целом и отдельными европейскими государствами в частности.

Все это действительно происходит именно потому, что за понятием "Запад" скрывается совершенно определенная институциональная и ценностная среда, система представлений о политических и социальных технологиях, обеспечивающих функционирование наиболее индустриально развитых стран современного мира. То есть, что в данном случае важно, обеспечивающих или создававших ранее их глобальное лидерство.

Именно представления западного мира о том, что он есть "наилучший мир" современности, что его внутренняя политическая и экономическая организация является оптимальной и предпочтительной, позволяет быть "впереди планеты всей", - все это является фундаментальным фактором западного единства и политической реальности Запада. Система же институтов межгосударственной интеграции и безопасности стран Запада имеет главной целью именно поддержание и сохранение если не состояния, то ощущения глобального политического и экономического лидерства.

Нельзя, наконец, отрицать и того, что достаточно большое количество стран и в прошлые десятилетия, и сегодня рассматривают свое развитие в категориях "присоединения", стремления к вхождению в "западный мир". Это может предполагать и интеграцию в определенные международные структуры и институты, такие, как НАТО и (или) Евросоюз, и принятие некоторых иных институциональных стандартов уже непосредственно в вопросах организации политической, экономической и социальной жизни. В этом смысле стремление многих стран к присоединению к западному миру отражает их желание соучаствовать глобальным лидерам, пусть подчас и на приставном стульчике.

К западному миру в силу исторических или военно-политических причин также уже давно принадлежат, например, и Япония, и Австралия. В свою очередь, с той же Турцией ситуация несколько сложнее. Эта страна входит в оборонный блок НАТО, что предопределено, впрочем, в основном как раз наследием "холодной войны", а также в значительной степени спецификой турецкой государственности и ее особым местом в так называемом мусульманском мире. С другой стороны, многолетняя эпопея с присоединением Турции к Евросоюзу показывает, что ценностные мотивы западной интеграции приоритетны, ее критерии и границы представляют один из важнейших вопросов для самого западного мира, однако это не исключает их "подвижности" - в зависимости от ситуации и политической целесообразности.

Все это в целом подтверждает, что и понятие "Запад", и иные схемы разделительных линий на карте мира типа противопоставления "Севера" и "Юга" не являются собственно географическими. Они, конечно, частично отражают территориальную картину мира, но, в конечном счете, выглядят просто как не до конца ясные термины для обозначения иной реальности. А именно - основанной на общих ценностях и контуре безопасности глобальной коалиции поддержания мирового лидерства, которая исторически действительно сформирована вокруг ядра атлантического, европейско-североамериканского партнерства.

Если это так, то становится понятным, как происходит сегодня эволюция Запада, с какими вызовами он сталкивается и что определяет его отношение к России.

Распад СССР, разрушение баланса сил двух мировых систем, определявших развитие мира на протяжении почти всего XX века, породили на Западе опасное ощущение завершения эволюции всемирной цивилизации, достигнутого исторического и геополитического сверхмогущества.

Провозглашенная доктрина "конца истории" утверждала, что западный мир, его ценности, экономическая структура и построенная на их основе политическая система есть наивысшее достижение цивилизации. Остальные страны и системы так или иначе в рамках процесса глобализации будут втягиваться в процесс "догоняющего" развития и следовать за Западом. Будущее человечества должно было превратиться в механический процесс перемалывания стран, народов и культур, где не все дойдут, дотянутся до "зияющих высот" цивилизации современного западного общества, хотя и имеют право поконкурировать внутри себя за единственное право - присоединиться к вожделенному и одновременно ненавистному "золотому миллиарду". Такая "невыносимая легкость бытия" позволяла не учитывать остальной мир и порождала "глобальный эгоизм" - право вмешательства в любую ситуацию в любой точке Земли на основании "гуманитарных" соображений и ценностей прогресса.

В результате в последние полтора десятилетия мы стали свидетелями впечатляющих и одновременно удручающих попыток стран Запада и прежде всего США проводить силовую демократизацию отдельных государств и даже регионов планеты, при декларировании своей миссии по "продвижению демократии в мире". Когда-то тем же самым занимался Советский Союз, пытаясь перетянуть некоторые страны из феодализма или даже родоплеменного строя прямо в коммунизм, осуществить, так сказать, социалистический транзит в светлое будущее.

Однако ноша внешнего управления государствами и народами при уничтожении понятия национального суверенитета может оказаться неподъемной. Не нужно забывать и о том, что сегодня в мире существуют политические силы, которые способны использовать усиленно и иногда бездумно культивируемый процесс глобальной демократизации в совершенно ином и прямо противоположном направлении. Провозглашая "волю сильного" решать, кто прав, а кто виноват, Запад попадает в ловушку. Потому что ничто не помешает представителям всемирного террористического подполья так же решить, что они "выше всех", и на этом основании присвоить себе право распоряжаться чужой жизнью, нашей судьбой.

Сегодня очевидно, что попытка "закрыть историю" оказалась не более чем иллюзией еще и по другой причине. Современные тенденции развития мира показывают, что процесс глобализации, связанный неким установлением всемирного доминирования Запада, является, с точки зрения Истории, не более чем ситуативным и ничем не гарантированным в долгосрочной перспективе. Да, в какой-то момент, в том числе на волне промышленной революции, бурного развития капитализма, опережающего прохождения индустриализации и научно-технических революций, используя социально-политический технологический арсенал демократии, Запад ушел далеко вперед от всего остального мира.

Однако уже сегодня глобальный рост "незападной" Азии четко показывает пределы этой тенденции. Возможности лидерства Запада подрываются и вызовами так называемого столкновения цивилизации, что создает не только угрозы безопасности, но и, как мы видели, предопределяет существенные трудности в обеспечении демократического типа национального внутривнутриполитического развития западных обществ. Наконец, все более принципиальными становятся ресурсные ограничения в развитии Запада. Помимо того, что сам "золотой миллиард" сжимается во все меньшую часть населения планеты, западные общества испытывают очевидные социальные и экономические трудности в силу нарастающего дефицита сырья, экологических проблем и старения населения.

В возвращении России в мировую политику и экономику, усилении и укреплении российского государства западному миру скорее всего также видится угроза. Вместе с тем очевидно, что Запад жизненно заинтересован в той или иной форме "подключения" России к себе, ее втягивания в себя для сохранения своей коалиции глобального лидерства. Это - все та же смесь тяготения к России и страха перед ней.

Однако поскольку, как мы уже говорили, Запад и Россия понимают, что "мы рядом и мы вместе, но мы не есть одно и то же", в стратегии Запада по отношению к нам преобладает не интеграционный сценарий (здесь проблем возникло бы даже больше, чем с Турцией), но желание контролировать Россию как источник ресурсов и как щит от ряда глобальных угроз. При этом "излишнее усиление" России и ее самостоятельности являются главным препятствием для реализации такого замысла. Именно поэтому, в отличие от 1990-х годов, когда сценарий использования России вполне проходил, а наша страна милостиво удостоивалась звания надежды глобальной демократии, сегодня мы сталкиваемся со столь очевидным информационно-политическим давлением и "психическими атаками".

В отношениях с Россией Запад сегодня должен понять главное.

Россия в силу своих исторических, геополитических и социокультурных особенностей объективно не может быть интегрирована в слабеющую "глобальную коалицию", называемую "Запад".

Более того, Россия в силу своих национальных интересов и понимания собственной глобальной стратегии в такой интеграции и не заинтересована. Тем более она не хочет быть, в широком смысле слова, сырьевым и ресурсным придатком Запада. Мы не можем сотрудничать с Западом в режиме ментора и ученика.

Россия - страна с потрясающей историей, страна с тысячелетней государственностью, страна, в которой уже сложились государственное мышление, государственная элита, традиция и культура. Россия не может стать иной страной, не может перейти во взаимоотношения с Западом в режим индейцев, которые отдали кому-то свои природные богатства и существуют в резервациях по установленному извне "распорядку дня".

Россия - ведущая держава евро-азиатского пространства, обладающая значительной возможностью глобального влияния на мировую систему, в первую очередь за счет ядерного и институционального факторов. Потенциал России позволяет ей также стать одним из полюсов мировой экономики. Уникальность российского положения заключается в наличии огромного ресурсного, в том числе энергетического, потенциала, что характерно в основном для стран глобального Юга, в сочетании с гуманитарным, промышленным, военно-стратегическим

потенциалом, а главное - культурой и историческим опытом, присущими западной цивилизации. В силу этого Россия не только объективно становится ключевым субъектом формирующегося на наших глазах миропорядка XXI века, но и способна, в случае необходимости, играть роль глобального модератора.

Уже сегодня Россия фактически выступает связующим звеном между старыми лидерами ("Большая восьмерка") и новыми, растущими державами (Шанхайская организация сотрудничества, группа БРИК - Бразилия, Россия, Индия, Китай). Россия может эффективно выполнять функцию посредника и организатора в диалоге между двумя частями современного мира, повышая тем самым собственный статус и международное влияние. Поэтому усиливающееся участие России в мировом политическом процессе и управлении способно стать залогом глобальной стабильности.

ЭТОТ НОВЫЙ, НОВЫЙ, НОВЫЙ МИР

Буквально за последние годы, являющиеся по историческим меркам одним мгновением, мир пережил значительные изменения, многие из которых достаточно очевидны, а другие - хотя носят пока подспудный характер и проявляются в пунктирных тенденциях - будут иметь существенное звучание и последствия уже в ближайшем будущем.

Во всем мире очевидна фундаментальная ценностная и мировоззренческая переоценка хода мировой истории. Современность становится все более и более конкурентной. Начиная с 11 сентября 2001 года, история возобновилась и для значительной части человечества, которую обычно называют цивилизованной. Иллюзия благополучного завершения всемирной эволюции, возникшая было в конце 1980-х годов, после поражения коммунистической системы, окончательно разрушена.

История человечества перестает быть историей Западной цивилизации и Севера планеты.

На рубеже 2006 года численность населения Земли преодолела очередной знаковый рубеж в 6,5 миллиарда, причем более 80% текущего прироста приходится на Азию и Африку. Запад становится "уменьшающимся меньшинством" мира уже не только в количественном, но и собственно в политическом и экономическом отношениях. Китай уже вышел на четвертое

место в мире по объему экономики, обогнав Францию и Великобританию и пока, но только пока, уступая США, Японии и Германии. Не менее значимо постоянное и ускоряющееся продвижение вверх в мировой экономической иерархии Индии, Бразилии, Индонезии.

О наступающем времени часто говорят как о веке хаоса неопределенности и непредсказуемости. Это отчасти верно в том смысле, что проблема управляемости глобальным развитием превращается в ключевую.

Саморазвивающийся мир в нынешних условиях может прийти к своему концу довольно быстро. Если это так, а кристаллизация нового миропорядка становится насущной необходимостью, то тем более важно оценить, какие именно современные тенденции мирового развития будут иметь для будущего устройства международных отношений наибольшее значение.

ХОЛОДНЫЙ МИР И ХОЛОДНАЯ ВОЛНА

Особенность современной ситуации в мире заключается в том, что разрушение после распада СССР и "блокового противостояния" Советского Союза и Запада политических основ Ялтинско-Потсдамского миропорядка не привело к слому институционально-правовой базы старой системы. Сегодняшний мир унаследовал от того периода значительную часть международных механизмов и норм, прежде всего систему Организации Объединенных Наций.

Речь идет не просто о сосуществовании нового и традиционного в современных международных отношениях. В случившемся виден переход к другой, принципиально новой парадигме миропорядка. Переход от одной системы к другой, в отличие от всех предыдущих случаев, осуществляется мирно, без использования механизма широкомасштабного глобального конфликта для снятия внутрисистемных противоречий, каковыми были, например, и Первая, и Вторая мировые войны.

Конечно, нынешняя ситуация также возникла после "войны", но холодной. С одной стороны, это просто само по себе важно в условиях наличия ядерного оружия. В то же время отсутствие полноценной "горячей" войны и столь же "решительных" капитуляций и пактов

мироустройства после нее, по идее, делает процесс перехода от одной системы к другой более мягким, не носящим заведомо дискриминационного характера по отношению к тем или иным странам.

Это не значит, однако, что попыток такой дискриминации и разделения мира на победителей и побежденных в последние годы не существовало и не существует сегодня. Пришедшийся на последнее десятилетие XX века и начало нынешнего века период так называемой однополюсности мира и глобального доминирования США был типичной попыткой установить "миропорядок победителя". Мир от этого не сделался ни устойчивым, ни безопасным. Та же война в Ираке наглядно продемонстрировала всю иллюзорность управляемости и контроля над миром из единого центра.

Одновременно мир стал еще менее предсказуемым - достаточно посмотреть на неуклонное расползание по швам в последнее десятилетие режима нераспространения ядерного оружия. Более того, именно претензии США на глобальный гегемонизм, стремление играть роль то единственного и неповторимого рефери во всех вопросах мировой политики, то вообще мирового жандарма, объективно затормозили развитие системы международных отношений. Они препятствовали и до сих пор мешают модернизировать в соответствии с новыми реалиями международные институты, прежде всего Организацию Объединенных Наций.

Именно за все это мировое сообщество сегодня имеет полное право предъявлять счет США. Именно по причине "головокружения от успехов" несостоявшейся "глобальной сверхимперии" формирование нового миропорядка XXI века происходит медленнее и менее эффективно, чем это могло бы быть и чем это необходимо человечеству.

Сегодня мы находимся в состоянии "холодного мира", который продлится еще достаточно долго. Холодным современный мир является в двух смыслах. Во-первых, такая характеристика означает, что мы до сих пор остаемся в некоем переходном периоде. Современный мир - это становящийся новый мир, где уже виднеются островки новой структуры, но она сложится в принципиально новую и достаточно устойчивую политическую карту не быстро и не сразу.

Одновременно "холодком" от современной системы международных отношений веет именно потому, что до сих пор не исчерпаны амбиции США и глобальной коалиции Запада по поводу создания на своих условиях и в свою пользу некоего жесткого "поствоенного порядка". И хотя объективная реальность противоречит таким планам, кое-кто до сих пор лелеет мысль о том, что "тем хуже для реальности". Причем дело не ограничивается одними помыслами, а выливается в конкретные военные действия, разработки нового вооружения, стройки ракетных баз и прочие бездумные поступки, "холодная волна" которых захлестывает и грозит разрушить всю систему международной безопасности.

Все это абсолютно неприемлемо, поскольку в результате происходит уже не просто взывание к жизни духа "холодной войны", но и, что намного серьезнее, мир может лишиться исторического шанса на формирование нового, справедливого и не дискриминационного миропорядка. Миропорядка без разделения на победителей и побежденных, построенного не на принципах вынужденного сосуществования и ограниченного компромисса, а на принципах желаемого и равноправного будущего для всех.

Именно поиск соответствующих взаимовыгодных для всего мира соглашений и путей должен составлять в ближайшее время основное направление работы международных институтов, прежде всего ООН, включая и само реформирование Организации Объединенных Наций. Особо важной становится роль ООН в координации мирового экономического развития. Более эффективная и властная ООН может вернуться к идее реального контроля над мироэкономической и финансовой системами. Возможно, это позволит преодолеть и те кризисные явления в мировой торговле, которые сегодня очевидны в рамках Всемирной торговой организации, причем опять же прежде всего в силу попыток использовать ВТО как инструмент превосходства и экспансии.

Естественно, когда мы говорим о реформе ООН и тем более Совета Безопасности, надо в первую очередь просчитывать последствия для России. Но в принципиальном плане следует помнить и другое. Деграция роли ООН в мировой системе уже давно ведет к снижению эффективности важнейшего институционального ресурса России, унаследованного ею от прежней системы международных отношений - статуса постоянного члена Совета

Безопасности. В такой ситуации, наверное, лучше поделиться некоторыми из своих эксклюзивных прав на уровне СБ ООН и в целом повысить реальную отдачу от этих прав и привилегий, чем ждать когда они будут обесценены вместе с ролью Организации в целом.

Данный пример хорошо иллюстрирует необходимость рационального и "по-умному" бережного отношения в сегодняшнем мире к собственным ресурсам и возможностям.

Появление новых центров силы, усложнение самой структуры международных отношений, подспудная мультиполярность наметились еще в том мире, который осеняло глобальное противостояние США и СССР. Сегодня доминирование той или иной страны или даже группы стан абсолютно во всех сферах становится фактически невозможным. Современный мир объективно многополярен. Вопрос, однако, в том, что это за многополярность, какова ее структура и качество и в чем будет заключаться механизм самоуправления нового многополярного мира.

Многополярность будущего в отличие от прошлого не станет многополярностью враждебных группировок и силового противостояния и ядерного паритета.

Новый миропорядок формируется таким образом, что в нем не будет никаких новых сверхдержав, жесткой, глобальной и всего одной блоковой структуры и уж тем более не будет единоличного доминирования кого бы то ни было из мировых держав, будь то США сегодня или Китай завтра.

Это будет и уже во многом есть нечто более сложное, состоящее из множества "слоев", многомерных фигур и секторов, наложенных друг на друга. В каждом из этих секторов - экономическом, финансовом, технологическом, военном, инновационном, ресурсном, институциональном и так далее - есть свои лидеры, подчас есть и страны, находящиеся в значительном отрыве от других участников.

В результате мы видим мир с неопределенным и непостоянным количеством подвижных и изменчивых полюсов.

Многие исследователи называют его также миром "изменчивой геометрии". Подчас невозможно с полной уверенностью ответить на вопрос о том, сколько этих полюсов, что они собой представляют, как организованы, каково их качество, стабильность и цели. Страны не

стремятся к жесткой привязанности или членству в какой-либо одной экономической или военно-политической группировке. Напротив, государства диверсифицируют свои интересы участием в самых разных международных объединениях и формах сотрудничества.

Сама модель оказывается все более и более подвижной, ее конфигурация и характеристики могут довольно быстро меняться, поскольку мировое влияние и расстановка сил все больше начинают определяться так называемыми целевыми альянсами, то есть такими коалициями стран, которые создаются уже не только на долгосрочный и исходно неограниченный период, но и на ограниченное время, для решения конкретных международных проблем.

Характерно то, что страны, объединенные в одну коалицию при решении той или иной международной проблемы, могут оказаться в разных, противостоящих друг другу коалициях по какому-либо другому вопросу. Борьба с международным терроризмом поставила "под одно знамя" ведущие европейские страны, США, Китай и Россию, которые во время иракского кризиса оказались "по разные стороны баррикад", а спор вокруг ядерной программы Ирана провел разграничительные линии совершенно по-другому.

В такой системе ни перед одной страной, в том числе и перед Россией, не возникает ситуация жесткого, однозначного и навсегда предопределенного выбора: примкнуть к одному центру силы или к другому, быть, например, с американцами и их союзниками или против них. Есть пространство для маневров, а в нынешней ситуации, когда не завершена еще внутренняя социально-экономическая модернизация нашей страны, - это главное.

Формирование мира с подобными характеристиками, несомненно, представляет сложность. В нем еще больше возрастает значение эффективных "международных регуляторов" и общих правил игры, которые не позволили бы постоянному круговороту мировых сил превратиться в определенный момент в "войну всех против всех".

В то же время, с другой стороны, этот мир представляет его участникам широкий спектр возможностей для наращивания своего глобального и регионального влияния, поскольку построен не на универсальном силовом противостоянии, а на механизмах "свободной конкуренции" мировых сил в духе и на принципах soft power.

То есть на принципах не только сугубой экономической или собственно военной мощи, но преимущественно на способности влиять и притягивать к себе других. Не случайно soft power переводят и как "мягкая", и как "умная мощь".

России с ее огромными размерами, историко-культурным и этническим многообразием сама природа предопределила участие в самых разных международных организациях, различающихся как целями деятельности, так и географическими рамками. Ведь одно дело участвовать в укреплении безопасности в районе Центральной Азии и Дальнего Востока и совершенно иное - создавать единое экономическое пространство с членами Европейского Союза. Одно дело пытаться играть ключевую роль в проектах экономической интеграции на постсоветском пространстве, а другое - добиваться равноправного партнерства в экономическом взаимодействии со странами Тихоокеанского бассейна.

Однако одно другому явно не противоречит. И в подобном мире задача России заключается в том, чтобы постоянно иметь возможности и уметь создавать, управлять и оптимизировать свой пакет "целевых альянсов", который был бы наиболее притягателен для максимально большого количества стран мира и обладал наибольшим совокупным потенциалом глобального влияния.

Уметь реализовывать такую стратегию - это и значит быть "сверхдержавой" мира ближайшего будущего.

ГЛОБАЛЬНЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ УГЛЕВОДОРОДНОГО ПЕРИОДА

Чем больше мы говорим об ограничениях экономического развития современного мира, тем более становится очевидным, что все они так или иначе связаны со столкновением мира с самим собой в результате тотального освоения земного пространства и постепенного "выдыхания" потенциала предшествующих научно-технических революций, в частности индустриальной и информационной. На этой основе в мире формируются новые типы зависимого развития.

С одной стороны, глобальная экономика иерархизирована, в ней выделяются передовые и отстающие сектора, которые, к тому же, тесно взаимосвязаны с определенными странами

мира и межгосударственными коалициями. Так, США и Запад в целом сегодня, и по крайней мере пока, являются владельцами контрольного пакета финансовых, инфраструктурных и высокотехнологических, сверх(пост)индустриальных секторов глобальной экономики. Азиатско-Тихоокеанский регион превращается во всемирный завод, новый индустриальный центр мира. На нижних этажах расположен сырьевой мир, с которым, к сожалению, до сих пор смыкается и Россия.

Объективная логика развития глобальной экономики - это конкуренция различных государств, регионов, корпораций и "пиратов" глобальных финансов за доминирование на важных и наиболее выгодных иерархических уровнях этой пирамиды. Контроль над передовыми рубежами развития, а значит, и возможностями этого развития остается сегодня основным ресурсом глобального доминирования Запада. Зависимость развития проявляется в том, что "постиндустриальные лидеры" имеют ресурсы для того, чтобы фактически разрешить или не разрешить тем или иным странам догонять себя и взаимодействовать с собой. Это заключается и в согласии экспортировать технологии, и в инвестициях. Такой контрольный пакет влияния на развитие других значительно весомее прямого контроля.

Иные страны, даже приобретая результаты западного технологического и научного знания, не имеют технологических и интеллектуальных возможностей для его воспроизводства. А пресловутая утечка мозгов в определенном смысле действительно является основной проблемой для многих стран мира, включая Россию, поскольку означает утрату ими и потенциала производства нового, и воспроизводства этого потенциала.

Изменение нынешней ситуации становится возможным только в результате новой научно-технической революции (НТР), которая будет следовать за протекающей ныне информационной. В ее рамках возможны как прорывы новых стран на передовые рубежи, так и "падение" по крайней мере некоторых из нынешних лидеров. Тот или иной исход, однако, зависит от того, какой именно доминирующий характер приобретет следующая НТР, - биотехнологический, нанотехнологический, квантовый или какой-либо иной. Сегодня данный вопрос не имеет однозначного ответа, а различные государства мира делают ставку на те или иные "сектора будущего".

В то же время постепенно проясняется справедливость представлений о том, что суть будущей НТР может оказаться и принципиально иной, точнее, на первый план все же выйдет проблема ограниченности традиционных, природных ресурсов.

Основа процесса глобализации сегодня заключается именно в попытках перехода от экстенсивного освоения мира, расширения цивилизованного пространства к интенсивному его освоению, когда возможности решения проблем с помощью новых неосвоенных территорий и ресурсов оказываются исчерпанными.

Идея "предела развития" оказывается лишь частным случаем "пределов самого мира", физической ограниченности Земного шара и его природных ресурсов. В этих ресурсных ограничениях заключается в конечном счете исчерпанность нынешней "редакции" постиндустриального мира, возможность возникновения в ближайшем будущем новой глобальной Великой депрессии.

Известный тезис о том, что мир будущего будет прежде всего миром обостряющейся борьбы за невозобновляемые природные ресурсы, практически не вызывает сомнений. Эта борьба может рядиться в одежды экономической конкуренции, столкновения цивилизаций, даже международного терроризма, однако суть дела от этого не меняется. Сегодня мир вступил не просто в фазу высоких цен на энергоносители, но в углеводородный период геополитики и системы международных отношений.

Мы оказались свидетелями того, как стремление к контролю над добычей, транспортировкой и потреблением нефти и газа стали стержнем мировой политики. В конкуренцию за возможности и перспективы развития включаются новые и новые страны, что также требует все большего количества ресурсов. Спрос на нефть и газ, цены на них в стратегическом плане толкает вверх в первую очередь растущая Азия. Экономика постиндустриализма дала массу благ, но сегодня тяготеет к расширенному воспроизводству "новых потребностей", гигантских "мыльных пузырей" все новых и новых товаров. В оборот, во многом искусственный, втягивается все больше невозобновляемых ресурсов планеты, обостря энергетический и экологический кризис.

Все острее необходимость того, чтобы в рамках новой НТР был в первую очередь решен вопрос "энергетической революции" и соответствующей фундаментальной перестройки мировой экономики. Пока этого не произошло, столь же острыми и принципиальными являются вопросы управления и контроля над существующими сырьевыми энергетическими запасами "нефтегазовой" глобальной экономики. Россия как один из главных держателей

подобного рода ресурсов ощущает это на себе, и выстраивая собственную энергетическую стратегию в современном мире, и сталкиваясь со все возрастающим внешним давлением на свои интересы в энергетической сфере.

Никуда не исчезают и иные виды системных ресурсных ограничений. Даже справившись в перспективе со столь беспокоящей человечество исчерпаемостью энергетических ресурсов, заменив нефть и газ какой-то новой "экономической кровью", мир не сможет избежать столкновения с иными и куда более строгими природными ограничениями. В новом столетии чем дальше, тем больше, глобальные процессы будут определяться императивами экологического и биологического выживания человечества.

Поэтому наряду с энергетическим сырьем постепенно возрастает и будет усиливаться в дальнейшем борьба за воду, плодородные почвы, чистый воздух, территориальные пространства расселения как такового. И, что особенно важно для нас,

Россия оказывается в центре всех этих процессов, поскольку обладает не только сырьевыми энергетическими богатствами, но и огромными территориальными и земельными ресурсами, самыми значимыми на Земле запасами пресной воды и лесным фондом.

Специфика положения России заключается в том, что, обладая не самой высокой долей в мировой экономике в целом и еще меньшим весом в постиндустриальном секторе, наша страна в то же время является ключевым звеном мировой экономики и политики в критически важных для глобального развития ресурсных сегментах.

Конечно, борьба за ресурсы может выливаться в различные формы, может вестись разными способами и самыми различными силами, будь то государства, ТНК, иные новые глобальные игроки. Однако если попытаться определить наиболее значимую системную перспективу всемирной битвы за ресурсы, то она связана с вероятностью вызревания и оформления некоего единого глобального решения по этому поводу. Это может создать для России существенные проблемы.

Не исключено, что логика развития современного мира может поставить вопрос о том, что национальный суверенитет не должен распространяться на ресурсы глобального значения.

Здесь не вредно было бы вспомнить недавнее высказывание бывшего Государственного секретаря США Мадлен Олбрайт о том, что тот факт, что Сибирь со всеми ее несметными природными богатствами принадлежит исключительно России, является величайшей мировой несправедливостью.

Подобные проговорки симптоматичны и свидетельствуют о том, что уже в течение ближайших десятилетий, а может быть и ранее, начнет формироваться своего рода международный консенсус по поводу того, что невозобновляемые ресурсы планеты должны быть выведены из-под национальных суверенитетов, управляться, контролироваться и распределяться на глобальном уровне.

Наиболее заинтересованными в таком развитии событий силами могут одновременно оказаться слишком многие страны, включая США, Евросоюз и Китай. Иначе говоря, именно Россия и ее природные богатства могут оказаться актуальным мотивом для первого стратегического глобального альянса и сотрудничества столь разных геополитических сил.

С другой стороны, с перспективой глобализации управления невозобновляемыми ресурсами связан и другой вызов для России, точнее - иное, внутреннее измерение той же тенденции. Речь идет уже не просто о международно-правовом режиме ресурсного контроля, который кое-кто хотел бы распространить поверх национальных границ и помимо национального суверенитета. Сверх этого перед Россией буквально встанет проблема сохранения контроля над территориями, находящимися к востоку от Уральского хребта. Причем эта проблема не обязательно будет иметь источником только и в основном соответствующие попытки внешней экспансии.

Большая часть наших природных богатств сосредоточена как раз в районах Сибири и Дальнего Востока, где население и так не большое продолжает постепенно убывать. Разумеется, если интерес к установлению международного контроля над глобальными ресурсами будет усиливаться, то и удерживать Сибирь и Дальний Восток окажется все сложнее.

И надо быть откровенными: если новые поколения сибиряков и дальневосточников увидят, что Европейская Россия и расположенные там крупные корпорации думают лишь о том, как бы побольше вытащить из недр и продать на мировых рынках сибирской нефти, алмазов, редких металлов, вырубить леса, не делая ничего взамен для развития этих территорий, для становления их конкурентоспособности, обеспечивающей комфортность

проживания, рано или поздно они задумаются, а стоит ли оставаться в такой России, имея у себя практически всю таблицу Менделеева, могучие реки, великие озера, и бескрайние просторы тайги? Ведь отделились же когда-то от Великобритании ее североамериканские колонии, которые, став Соединенными Штатами Америки, сейчас доминируют в мире?

Мы не должны сами себя запугивать, но нам следует все же учитывать, оценивать и контролировать потенциал подобного развития событий. Понимать это гипотетическое будущее и уметь себя защищать, чтобы богатство не обернулось уязвимостью. Несомненно, имеющийся у России силовой потенциал сдерживания подобных глобальных вихрей играет принципиальную роль. Однако главное, чего не должна допустить Россия, - разыгрывания "российской карты", превращения нашей страны и нашей судьбы в объект торга, в предмет консенсуса между другими странами по поводу принципов нового миропорядка.

Кроме того, как мы видим, крайне важное значение приобретают не только наша собственная глобальная активность и субъектность, но и осмысление в соответствующих категориях приоритетов национальной внутренней политики, в частности региональной политики, повышение эффективности федерализма, демографической стратегии, социально-экономического развития отдельных стратегически важных районов страны.

ПОСТВЕСТФАЛЬСКОЕ ГОСУДАРСТВО

Крайне важный вопрос заключается также в том, что происходит с государством в современном мире в условиях глобализации. Некоторое время назад в научных кругах господствовали представления о кризисе Вестфальской системы международных отношений, базирующейся на незыблемости суверенитета нации-государства.

Нередко можно было слышать, что под воздействием процессов глобализации, с ростом влияния транснациональных корпораций, неправительственных и межправительственных международных организаций происходит "размывание" суверенитета государства, а базирующаяся на нем система международных отношений отстает и в долгосрочной перспективе вовсе сходит на нет. Наиболее радикальные приверженцы подобных взглядов, назовем их идеологами "сетевых структур", и сейчас пытаются активно доказывать, что национальные государства якобы в принципе не способны обеспечить эффективное управление, чему виной их ориентация на собственные территориальные интересы.

Соответственно, по их мнению, на передний план должна выйти система управления по сетевому принципу с построенными по этому же принципу международными организациями. А государство со своим суверенитетом, по такой логике, просто обречено на постепенное отмирание, поскольку физическое пространство мира все больше утрачивает свою основополагающую роль, политический процесс разворачивается преимущественно в рамках виртуального пространства потоков информации, финансов, властных решений, символических ресурсов и знаний. В этом смысле многие государства мира сегодня не контролируют даже свою национальную территорию, не говоря уже о способности оказывать принципиальное влияние на глобальные процессы.

Действительно, традиционная политическая карта мира и система национальных институтов подвержены определенной эрозии. Национальные границы, право, язык, политические институты, средства коммуникации, расстояния, время - все, что раньше защищало и определяло особый порядок политической организации отдельных обществ и государств, сегодня не может оградить их от глобальных взаимодействий. Субъектами политики в той или иной стране являются одновременно и национальные лидеры, и представители иных государств, народов, религиозных организаций, международного капитала и различных глобальных социальных движений. Часть из них к тому же имеет не вполне легальный статус, представляя всемирный "теневой" политический процесс и международную преступность. Появление этих новых субъектов истории наполняет мир и новым, не всегда понятным и все чаще чрезвычайно опасным содержанием. Кризис же и недостаточная эффективность международных политических институтов только усиливают значимость в рамках глобального политического процесса внеинституциональных и внеправовых политических технологий.

Однако, с другой стороны, все представления о том, что глобализация, повышая роль негосударственных игроков на международной арене, размывает также и сам институт государства, оказываются по меньшей мере поверхностными. Принципы Вестфальской системы международных отношений остаются основополагающими: верховенство, независимость и самостоятельность государственной власти на территории государства, независимость в международном общении, обеспечение целостности и неприкосновенности территории.

Правда, к сожалению, говорить об их полной незыблемости нельзя. Угроза размывания этих принципов и подобного понимания суверенитета имеет место и усиливается. Но проистекает эта угроза опять же в первую очередь не от сетевых структур, а от некоторых "государств холодной волны", а также от их уже устаревших, но все еще ищущих активного оправдания собственного существования военно-политических блоков и коалиций типа НАТО. Именно здесь, а вовсе не в каких-то сетевых структурах возникают концепции "неудавшихся государств", "мягкого суверенитета", "внешнего управления государствами" и "гуманитарных интервенций". И именно их логическим продолжением может оказаться в будущем уже обсуждавшаяся нами гипотетическая модель "глобализации ресурсного суверенитета".

Иначе говоря, несмотря на все опасности, исходящие от сетевого мира, международного терроризма и мирового подполья, в постановке под сомнение жизнеспособности института государства до сих пор определяющую роль продолжают играть амбиции и политические интересы именно самих государств. Теоретические обоснования "размывания", "ограничения" и "проницаемости" государственного суверенитета слишком часто оказываются орудием межгосударственной конкуренции и инструментом вмешательства во внутренние дела тех или иных стран.

В действительности же глобализация требует значительного укрепления института государства.

Государства эффективного, правового, дееспособного, ответственного перед народом, иными странами и миром в целом. Причем такая ответственность не в последнюю очередь, а подчас и в первую голову требует от самих государств и их элит меньшего рвения в дискредитации понятия государственного суверенитета, меньшей развязности в интерпретации тенденций развития национально-государственных основ системы международных отношений, меньшей активности и безумия в подпиливание дерева, на котором они сами сидят.

В противном случае невозможно будет говорить об адаптации института государства к современности, его усилении и модернизации в соответствии с новыми реалиями, эффективности ответа и отдельных государств, и всей системы международных

межгосударственных отношений на совокупность связанных с глобализацией вызовов и угроз. А такой императив очевиден. Сущность реальных проблем государства действительно связана с тем, что оно встраивается, даже помимо собственного желания, в новую глобальную матрицу политических, экономических и социальных отношений. Усиливаются трения и нагрузка на государства в соприкосновении с различными надгосударственными моделями глобализации.

С одной стороны, например, это может быть глобализация религиозного толка.

Ислам сегодня является одним из самых мощных глобализационных трендов, стирающих границы между государствами. В этой связи часто говорят о цивилизационном разломе между современным исламом и остальной частью планеты. Проблема осложняется тем, что огромная часть жителей исламских государств проживает в бедности и за ее чертой и потому очень остро воспринимает несправедливость современного мироустройства, при котором разрыв между наиболее развитыми индустриальными странами и большей частью населения в уровне и качестве жизни людей, технико-технологическом и культурном развитии все более усиливается.

При этом в мусульманском мире есть силы среди политических и деловых элит, которые хотели бы перенаправить энергию социального недовольства, накапливаемую "исламской улицей", на каких-то внешних врагов в лице представителей других конфессий, с тем чтобы в целостности и сохранности оставить без изменений традиционные и зачастую очень архаичные формы своего господства. Пересечение этих двух тенденций и дает в итоге питательную среду для распространения фундаментализма, религиозного экстремизма и терроризма.

Однако возникшие проблемы в отношениях части мусульманского населения земного шара преимущественно с народами развитых индустриальных государств носят скорее всего временный характер. Исламская цивилизация сегодня столкнулась с вызовами внутренней модернизации, адаптации основных религиозных постулатов к реалиям современной эпохи, таких, как свобода самоопределения личности, равноправие женщин, политическая и культурная терпимость. На протяжении мировой истории другие религии также проходили через модернизацию своей доктрины.

И здесь Россия может оказаться в числе мировых лидеров. Мы имеем собственный и немалый опыт развития ислама в его миролюбивой, открытой и толерантной версии, например, в Татарстане, где мусульмане бок о бок живут и совместно трудятся с представителями других конфессий на благо общей родины - России. Очевидно, что будущее - именно за такими, созидательными формами и направлениями ислама, открытыми для диалога с другими конфессиями. Ислам в состоянии, опираясь на его собственный опыт, модернизироваться и адаптироваться к современным реалиям. Попытки же грубого навязывания мусульманским странам чуждых институтов, моделей поведения и ценностей приводят лишь к обратному результату - усилению позиций экстремистов.

Структурный кризис будущего государства также связан с вызовами экономической глобализации, не полного соответствия структуры и функций традиционных, "классических" государств потребностям национального развития в новую эпоху.

С одной стороны, государство, стремясь соответствовать логике глобализации как в первую очередь глобализации экономической, приобретает все более экономический "профиль", превращается в государство-корпорацию, конкурирующую с ТНК и являющуюся агентом граждан в глобальной экономике.

Но одновременно - в той мере, в какой новая эпоха является эпохой постиндустриального типа, то есть экономикой знаний, экономикой человеческого капитала, - в государственной политике естественным образом возрастает значение всего того, что называется сектором общественных услуг, что формирует концепцию "социального государства" или государства всеобщего благосостояния. Социальная логика эволюции государства во многом противоречит его экономизации и в этом смысле следованию неолиберальной экономической доктрине, которая предписывает сокращение государственных расходов, налогового бремени, социальных обязательств и повышение собственно экономической эффективности государства по аналогии с бизнес-субъектом.

Способность государственной власти, национальной элиты найти оптимальный баланс данных тенденций и требований превращается в главный критерий эффективности элиты и государства. В этом и состоит главный ответ на вопрос о том, есть ли у государства будущее.

Таким образом, для нас вызов времени в области строительства государства можно сформулировать так: России необходимо в разумные сроки перестроить и повысить качество своей государственности, системы власти и управления, ориентируясь именно на критерии эффективности и конкурентоспособности государства в современном глобальном мире. Это означает необходимость и дальше наращивать и усиливать участие государства в регулировании и развитии мировой экономики и политики. Однако во внутренней социально-экономической политике должна формироваться и усиливаться более масштабная и оснащенная постиндустриальная социальная политика, поскольку защита и развитие человека как "главного капитала" новой глобальной экономики превращается едва ли не в основную государственную функцию.

ГЛОБАЛЬНАЯ РОССИЯ

В современном мире достижение государством и обществом национальных целей развития, сама эффективная и точная постановка таких задач невозможны без учета глобального контекста, без определения наших сегодняшних "координат" и направлений движения в глобальном политическом и экономическом потоке.

Чтобы обеспечить свое развитие, России необходимо не только мыслить, но и действовать глобально. В ближайшие десятилетия России предстоит создавать свое будущее не только у себя дома, не только внутри страны, но и на международной арене. Усиление собственных позиций в мире действительно становится важнейшим ресурсом социально-экономического развития страны.

Однако при этом нужно четко осознавать и другое.

Главное, от чего зависят место и роль России в мире будущего, - это все же ее готовность и способность к серьезнейшей внутренней трансформации и модернизации.

Развитие национальной экономики и социальной системы должно быть жестко ориентировано на конкурентоспособность России даже не в сегодняшнем мире, но в мире, каким он станет через несколько десятилетий, например к 2050 году.

Последние два столетия в истории всемирной цивилизации были эпохой капитализма. И сегодня мировыми лидерами пока еще остаются страны, которые смогли наиболее эффективно выстроить на капиталистических принципах развития национальные экономики и свои национальные государства.

При этом на протяжении последних нескольких десятилетий наблюдалась и тенденция конкуренции "глобальных проектов будущего", интеграции вокруг них стран и народов. В этой конкуренции капиталистический мир "коллективного Запада" победил социалистический лагерь во главе с СССР, при том, что одновременно распались традиционные империи и сформировался "третий мир", который присутствовал на этом всемирном ристалище то в качестве простого наблюдателя, то в качестве площадки противостояния двух общественно-экономических формаций и моделей развития.

Сегодня в развитии мира уже фактически наступил новый период формирования в процессе глобализации геоэкономических и геополитических "континентов капитализма". От мира прошлого он унаследовал два главных принципа конкурентоспособности, но их фактическое наполнение серьезно изменилось. Прежде всего, победа капитализма в борьбе с социализмом показала, что определяющее значение имеет максимальная адаптивность системы к меняющимся условиям и еще только предстоящим возможным изменениям.

Одновременно решающее преимущество дает и привлекательность предлагаемого лидерами проекта будущего, а значит их способность интегрировать вокруг себя максимальное количество ресурсов, возможностей и последователей.

Поэтому завтра мировыми лидерами будут те, кто сможет наиболее эффективно, то есть в опережающем порядке, модернизировать национальную экономику и социальную структуру под задачи и требования будущей научно-технической революции. И смогут сделать это или непосредственно в сотрудничестве, или в режиме максимально широкой "будущей интеграции" с другими государствами.

Для России, еще раз повторю, такая ситуация представляет собой в первую очередь вызов серьезнейшей внутренней социально-экономической модернизации. Наша страна только недавно вернулась "на путь капиталистического развития". Имеет достаточно большое количество накопленных с советского времени не самых плохих социальных технологий, но также и множество социальных проблем. Находится в ситуации серьезного дисбаланса имеющихся у нее природных и социальных ресурсов для движения в будущее. Далеко не полностью решила задачи формирования и стабилизации новой политической системы. Наконец, все эти проблемы необходимо решать одновременно, причем параллельно с поиском своего места в мире "глобального капитализма". Однако если всего этого не сделать, то результат будет вполне предсказуем: страна может не просто оказаться на всемирной обочине, но и вообще выпасть из будущего, оказаться на "шоссе в никуда", прекратить свое существование.

ЭНЕРГИЯ РАЗВИТИЯ

Россия, в силу богатейшей ресурсной базы и развитой индустриальной промышленности, объективно остается одной из ведущих экономических сил мира "на границе" очагов постиндустриальной цивилизации. Однако консервация сырьевой, экспортно ориентированной экономической модели, сырьевой рост нашей экономики последних лет являются объективным фактором возвращения отсталости.

Правы экономисты и историки, утверждающие, что обладание природными богатствами и сырьем очень часто оборачивается не благом, а "сырьевым проклятием". Почивание на трубе и недрах, примитивный гон углеводородов на экспорт не только застилают глаза "нефтяной пленочкой", но и создают у нашего правительства парадоксальную ситуацию головной боли по поводу того, что лишние деньги девать некуда, кроме как "стерилизовать", но в то же время их как бы и нет. А все это вместе не позволяет эффективно распорядиться ресурсами, не дает времени даже подумать о том, как повысить экономическую эффективность использования сырья, сохранить его значительную часть для потомков и одновременно иметь средства на ускоренное развитие новых секторов национальной экономики и ее глобального доминирования.

Возможно, и правда все дело в том, что у кого нет сырья, у кого голова и руки не заняты постоянно выкачиванием нефти и ее экспортом, тот просто-напросто имеет больше времени на то, чтобы думать.

Россию уже довольно давно отнесли к группе стран с быстро набирающей силу экономикой, так называемой группе БРИК (Бразилия, Россия, Индия, Китай). В 2005 году совокупный объем ВВП этих стран составил 25% общемирового, в то время как доли США и Евросоюза составили по 20% соответственно.

Действительно, перспективы у этого неформального и институционально не оформленного до настоящего времени объединения впечатляют. Однако не стоит обольщаться - к сожалению, на нашу долю приходится не самая большая часть экономической мощи внутри самой БРИК. Более того, следует обратить внимание и на такие аспекты. В отличие от других государств группы в России сейчас наблюдается негативная демографическая ситуация, происходит сокращение населения страны.

Кроме того, Россия опять оказывается не в лучшем положении, когда речь заходит о стратегии развития. В настоящее время Китай осуществляет сложный переход к новому, интенсивному типу развития, ориентированному на ресурсосберегающий и экологически щадящий экономический рост. Важнейшим компонентом этой стратегии является и развитие высокотехнологичных отраслей. Так, на исследования, связанные с изучением различных наноструктур и нанотехнологий, Китай на период 2003 - 2007 годов выделил около 240 млн долларов. Хотя это на порядок меньше той суммы, которую вложили в эту отрасль США (3,7 млрд долл.), тем не менее по нанопатентам КНР уже сегодня занимает третье место в мире после США и Японии.

Схожую политику модернизации своей экономики, развития наукоемких отраслей производства проводят Бразилия и Индия. Современная Индия быстро становится компьютерной сверхдержавой. В 2006 году объем индийского национального экспорта программного обеспечения и компьютерных услуг составил порядка 31 млрд долларов. Доходы Индии от экспорта программного обеспечения и услуг, деятельности контакт-центров и поддержки бизнес-операций будут и дальше расти и к 2010 году достигнут 60 млрд долларов.

Для сравнения: суммарная экспортная выручка "Газпрома" в том же 2006 году составляет порядка 37 млрд долларов. Экспорт нефти приносит сегодня России порядка 80-100 млрд долл., однако это происходит на пике цен. Цифры местами сопоставимые, а где-то пугающе тождественные. Только при этом нужно еще учесть, что мы-то распродаем невозобновляемые национальные богатства.

На таком фоне наши нынешние представления о национальном достоянии и собственном энергетическом величии изрядно меркнут, если не сказать больше. Если мы действительно не хотим быть "проклятыми" прежде всего нашими потомками, эту ситуацию обязательно надо менять.

Необходимо понимать, что контроль над ресурсами - не только и даже не столько контроль над их добычей и экспортом. Но это прежде всего контроль над их сохранением, воспроизводством, наличием в будущем, а также контроль над увеличением их стоимости. Преобладающая сегодня на уровне правительства и руководства российских нефтегазовых компаний философия, к сожалению, не учитывает всего этого, а лежит в русле той сырьевой модели развития, которую Запад навязывал России на протяжении всех последних 15 лет. Играя лишь роль поставщика нефтегазового сырья для зарубежного потребителя, Россия сможет (и уже смогла) заставить себя бояться. Но не сможет заставить себя уважать, считаться с собой как с равным партнером, пересмотреть общую оценку своей роли в современном мире.

Постоянно мучающая Запад фантомная угроза "перекрыть вентиль" вызывает вполне реальное противодействие. Она провоцирует Запад на ускоренную разработку технологий снижения зависимости от энергетического сырья - технологий энергосбережения, производства альтернативных видов топлива и энергии. С другой стороны, концепция "энергетической сверхдержавы" влечет усиление международного давления на Россию в виде попыток ТНК и правительств вклиниться в процессы разработки крупнейших нетронутых российских месторождений в качестве партнеров российских компаний, войти в акционерный капитал отечественных компаний, владеющих лицензиями на освоение месторождений, влиять на внешнюю торгово-экономическую политику России.

Сырьевая ориентация энергетической сверхдержавности становится также и источником самоограничений, накладываемых российским правительством на внутреннюю социально-экономическую политику. Уже открыто признается, что Стабилизационный фонд, изначально

задумывавшийся как фонд развития и страховочная финансовая подушка, сегодня главным образом предназначен выполнять функцию стерилизации денежной массы. И ясно, что этот стерилизующий механизм неэффективен и требует все новых самопожертвований.

Стремление к стерилизации остается всепоглощающим. В пользу безудержного накопительства нефтегазовых доходов происходит сознательный отказ от использования сырьевой прибыли на модернизацию страны - диверсификацию промышленности, ссаживание с нефтяной иглы, борьбу с бедностью и формирование социально-трудового капитала через инвестиции в человека.

В угоду стерилизации и накопительству до сих пор отодвинута на задний план такая задача, как переориентация, за счет благоприятной сырьевой конъюнктуры, экономики страны от экспортоориентированной сырьевой модели на модель развития собственного высокотехнологичного производства. Разговоры о восстановлении инвестиционных налоговых льгот для частных инвесторов так и остаются разговорами. Сохраняется отказ от наращивания частных и государственных инвестиций в промышленность и инфраструктуру. Темпы роста инвестиционных расходов бюджета и размеров государственного Инвестиционного фонда принципиально несопоставимы с темпами прироста объемов Стабфонда и золотовалютных резервов страны.

Конечно, Россия была и в обозримой перспективе останется одним из основных поставщиков сырья на мировой рынок. Однако важно при этом обеспечить производящий тип развития. Глобальную конкурентоспособность и высокую эффективность экономики можно обеспечить только отказавшись от ставки на дешевые ресурсы в качестве наших конкурентных преимуществ. Напротив, такие преимущества нужно искать именно в наращивании капитализации имеющихся у страны ресурсов, наращивании степеней их переработки и прибавочной стоимости, комбинировании ресурсного потенциала со способностью создавать уникальные технологии. Необходимо пересмотреть концепцию развития России как "энергетической сверхдержавы" в пользу производства и экспорта не сырья, но энергетического продукта переработки этого сырья и энергетических технологий.

Россия обладает уникальными возможностями выйти в глобальные лидеры по производству нефтепродуктов и продуктов нефтехимии. В ряду мировых лидеров по запасам

сырой нефти Россия выделяется наличием собственного научно-технического потенциала в сфере добычи и переработки нефти, синтеза нефтехимической и химической продукции. Другими словами, Россия по своим возможностям обыгрывает развитые страны Запада (их технологии в сфере нефтепереработки не подкреплены собственным сырьевым ресурсом, за исключением Норвегии). Не говоря уже о латиноамериканских и африканских странах - экспортерах нефти, которые не обладают потенциалом для превращения в самостоятельных игроков на глобальном рынке нефтепродуктов.

При этом одновременно с превращением в нефтеперерабатывающую и нефтехимическую державу, необходимо вести поиск новых технологий использования энергетического потенциала невозобновляемых природных ресурсов. Россия должна ставить перед собой долгосрочные задачи по повышению экологической и производительной эффективности традиционных методов добычи и переработки полезных ископаемых, по разработке технологий освоения нетрадиционных (не использующихся сегодня как источники энергии) "грязных нефтегазоносных ресурсов", по разработке технологий производства энергии на основе биологических и органических видов топлива.

Еще одним важнейшим ресурсом является приобретение реального мирового лидерства в электроэнергетике. Уже сегодня, несмотря на явный дефицит электроэнергии внутри страны, мы экспортируем генерируемую российскими станциями энергию. Однако до сих пор отечественная генерация крайне затратна и нерациональна, учитывая конечность применяемых в российской энергетике природных топливных ресурсов.

Поэтому наряду с задачей пересмотра позиций по отношению к нефтяному экспорту, стоит выдвинуть стратегическую задачу реорганизации энергогенерирующей сферы. Ее основу должны составить переход к преимущественному использованию неисчерпаемых ресурсов для производства энергии (развитие гидрогенерации), внедрение альтернативных видов топлива и повышение экономической целесообразности их применения, восстановление атомной энергетической промышленности. Это позволит уйти от экспорта все тех же конечных природных топливных ресурсов (нефти и газа) под видом экспорта выработанной на их основе электроэнергии и сделать ставку на глобальный экспорт инновационных технологий в энергетике. Сегодняшние преобразования в электроэнергетической отрасли в недостаточной мере учитывают эту потребность.

Внутреннюю основу "энергетической державности" России должно составить и последовательное внедрение принципов энергосбережения на всех уровнях - начиная от государственных программ в экономике и промышленности и заканчивая нуждами личного потребления жителей России. В противовес нынешнему разбазариванию и распродаже невозполнимых ресурсов и энергии государство должно формировать у общества и бизнеса культуру экологичного, рационального потребления ресурсов. В противном случае, при существующем уровне энергозатратности российской экономики, невозможно говорить не только об устойчивости национального топливного баланса, но и о какой-либо модернизации и диверсификации экономики.

СБЕРЕЖЕНИЕ НАРОДА

Еще в 1761 году великий российский ученый-энциклопедист и просветитель Михаил Васильевич Ломоносов в трактате "О сохранении и размножении российского народа" писал, что главное направление действий власти должно заключаться в "сохранении и размножении российского народа, в чем состоит величество, могущество и богатство всего государства, а не в обширности территории, тщетной без обитателей".

Эта заповедь является абсолютным приоритетом и для сегодняшнего дня. Если попытаться взглянуть на ситуацию честно и откровенно, то в среднесрочной перспективе перед Россией довольно отчетливо встает самый страшный вызов - окончательная демографическая деградация и самоликвидация страны.

Мы действительно и вполне реально можем прекратить свое существование в том виде, в тех границах и в тех формах, в каких мы знаем себя на протяжении последних веков и каковые считаем и чтим своей Родиной.

Проблема заключается еще и в том, что даже самые благоприятные прогнозы, то есть резкий рост рождаемости и одновременное увеличение средней продолжительности жизни, - могут привести к повышению демографической нагрузки на российское общество, то есть количество нетрудоспособных групп возрастет. Увеличение демографической нагрузки может осложнить решение задач модернизации экономики.

В начале 2000-х годов уровень демографической нагрузки в России составлял порядка 700 человек нетрудоспособных на тысячу работающих. Сейчас, в силу особенностей российской возрастной пирамиды, эта нагрузка упала и является едва ли не самой низкой за последние 50 лет. Это - существенный фактор стабилизации российской экономики, хотя даже в этих условиях российская пенсионная система дефицитна и неэффективна. В дальнейшем же нас ждет только ухудшение ситуации: "окно демографического благоприятствования" закроется, численность трудоспособного населения начнет падать, при одновременном росте старших возрастных групп и снижении доли детей в населении. Что само по себе является наиболее неблагоприятной моделью демографической динамики как в текущем плане (рост демографической нагрузки уже в среднесрочной перспективе таков, что на одного работающего будет приходиться уже более одного нетрудоспособного), так и в стратегическом масштабе (превышение доли пенсионеров над детьми).

В этих условиях важнейшим фактором демографической безопасности страны является не только повышение уровня рождаемости, но, возможно, в первую очередь уяснение ценности жизни. Российская нация не выживет, если не осознает взаимную ответственность и государства, и самих граждан за "экологию жизни" в буквальном смысле, за сбережение каждой человеческой жизни.

О том, насколько назрели проблемы и необходимость перемен в развитии человеческого капитала и культуры жизни общества, свидетельствуют цифры. Количество убийств в стране "зашкаливает": 22 убийства в год на 100 тыс. человек в России при среднем показателе по Европе 1-2 на 100 тыс. человек; 24 смерти в результате ДТП на 100 тыс. человек - при девяти в среднем по Европе. В ежегодном докладе ООН, опубликованном в 2006 году, сообщается, что в России шансы умереть молодым составляют 31,6%. Для сравнения - в США этот показатель равняется 11,8%, а в Норвегии, лидере рейтинга, - всего 8,4%, в 4 раза меньше, чем в России. По продолжительности жизни Россия отстает от стран Запада и Японии на 15-17 лет и находится в одном ряду с Монголией, Марокко и Гватемалой.

Избавление России от кошмара этих цифр и сопоставлений предполагает в первую очередь ликвидацию таких явлений, как высокая смертность в трудоспособном, в том числе и молодом, возрасте. В частности из-за низкого качества системы профилактики заболеваний, отсутствия в обществе должной культуры заботы о своем здоровье, распространенности асоциального поведения (криминализованность общества, наркомания, пьянство, массовое

курение, распространение СПИДа и т.д.), а также отсутствия должной философии защиты жизни каждого человека у самого государства.

В том же смысле нужно оценивать и недопустимые для будущего страны издержки некачественной инфраструктуры и культуры повседневной жизни. Типичный пример, показывающий комплексность любой проблемы подобного рода, - огромное количество смертей в ДТП. Это происходит одновременно и из-за плохих дорог, и из-за плохих отечественных машин и приобретения старых иномарок, и из-за привычки не соблюдать правила дорожного движения - от непристегнутого ремня до пьянки за рулем. Что, в свою очередь, следствие не только низкой гражданской культуры и недооценки ценности своей жизни и жизни окружающих, но также результат "обыденной коррупционности" - и государственных органов, и самих граждан.

Не менее важным и недооцениваемым сегодня аспектом демографической политики является также структура территориального расселения.

Население России не просто сокращается, но все более концентрируется, нам грозит практически тотальная депопуляция отдельных регионов страны. До сих пор часть территории России - это лишь зоны очагового, "пионерского" освоения, где нет постоянной и регулярной жизни, откуда люди стремятся уйти. Так, например, из-за отрицательного естественного прироста и миграционного оттока в Таймырском, Чукотском и Ненецком автономных округах снижение численности, согласно прогнозам, составит до 35% к 2015 году. Это означает, что фактически контроль над этими территориями может быть утерян. А ведь территория только этих округов составляет порядка 2 млн кв. км, что приблизительно равно территории Мексики - государства, занимающего 14-е место в мире по территории.

Когда мы говорим о государственной политике в ее пространственном измерении, то это прежде всего именно способность заселить и освоить пространство, способность к его колонизации, культивированию, развитию. Если это не делаем мы, то сделают другие. Сохранение целостности страны в современном мире означает также способность общества освоить свою страну, умело и эффективно распоряжаться ее богатствами. Иначе иные страны, цивилизации и народы рано или поздно начнут не просто проникать на неосвоенные и фактически оставленные территории, но будут колонизировать их и ассимилировать.

Менее обсуждаемый, но крайне важный вопрос - нарастающая урбанизация России, концентрация населения в крупных городах и, в частности, в мегаполисах. Мировые тенденции указывают на бесперспективность и пагубность этого пути, необходимость из соображений демографической и национальной безопасности способствовать дезурбанизации - разукрупнению городов, росту пригородов и их агломераций, возвращению населения на землю.

В этом случае было бы интересно обратиться к примеру США, единственной из развитых стран, где наблюдается позитивная демографическая ситуация, то есть численность населения которой продолжает расти. Среди прочих факторов, обуславливающих это явление, в глаза бросается тот факт, что в США доля населения, проживающего в пригородах, выросла и составляет в настоящее время 50%. Налицо процесс дезурбанизации, то есть переезда части населения из городов в пригород, в деревню. Учитывая возможности постиндустриального общества, это ведет к повышению качества и условий жизни, увеличению ее продолжительности, росту рождаемости, улучшению здоровья населения, избавляющегося от экологической и стрессовой "сверхнагрузки мегаполиса".

Поэтому содействие процессу дезурбанизации в России, оттоку населения из мегаполисов в пригороды, реализация программы развития малых городов и ряд смежных мер являются сегодня для России критически важными и значимыми. Нужно выравнивать и экономические условия существования, и всю инфраструктуру жизни, качество "жизненного пространства" в городе и деревне. Массовый сельский средний класс, массовый и многодетный "сельский буржуа" - вот именно то, что сегодня необходимо нам прежде всего.

Не менее остро стоит проблема миграции.

В последнее время все более популярной становится та точка зрения, что стоит России открыть перед желающими двери, как демографический спад будет нейтрализован массированным притоком мигрантов. Регулярный приток мигрантов в последние годы вроде бы снизил остроту демографического кризиса в России. Но это вопрос более чем спорный. Миграционный поток сегодня носит преимущественно характер трудовой и временной миграции. Этот процесс способствует развитию экономики, но не оказывает принципиального

влияния на решение демографических задач России. Более того, социокультурная нагрузка на общество только возрастает, в России увеличивается количество "гостей" в доме, но не решаются проблемы самого этого дома.

Эффективность механизма регулирования миграционных потоков может быть достигнута только при сочетании двух ключевых моментов. Во-первых, необходимо организовывать "кругооборот" малоквалифицированной рабочей силы из-за рубежа для решения конкретных проблем конкретных регионов, но с минимальными возможностями натурализации такой рабочей силы. Во-вторых, миграционный поток должен быть способен пополнять постоянное полноправное население России (то есть сообщество российских граждан) высококачественным "человеческим ресурсом" (высококачественным по культурным, языковым, образовательным и возрастным параметрам).

При этом в последнем случае часто и правильно обсуждается вопрос расширения программ возвращения соотечественников, которые как раз должны создать иное качество миграции и миграционной политики. Однако к этому вопросу тоже нужно подходить осторожно. Существует опасность, что в случае массового притока соотечественников в страну (а русская диаспора - одна из самых крупных в мире) мы можем окончательно потерять влияние на наши сопредельные государства. А такая перспектива может быть не вполне правильной, с учетом необходимости обеспечения в будущем новой интеграции постсоветского пространства.

Наконец, как представляется, современная российская демографическая и миграционная политика не учитывает, возможно, самый важный и самый мощный ресурс обеспечения ускоренного и качественного развития потенциала страны. Вместе с модернизацией экономики, изменением нашей энергетической стратегии и развитием постиндустриального сектора нам надо инвестировать в "создание" новых социальных групп, которые как раз и должны развивать Россию в этом качестве.

Однако, по оценкам экспертов, ежегодные прямые потери от "утечки мозгов" обходятся нам не менее чем в 3 млрд долл., а суммарные (с учетом упущенной выгоды) - в 50-60 млрд долларов. За границу, при этом, утекло, по разным оценкам, никак не менее 100 тыс. человек.

Еще примерно 30 тыс. работают в западных институтах по временным контрактам. До сих пор ежегодно наша страна теряет тысячи высококвалифицированных специалистов (часто - обученных на бюджетных программах, то есть за счет государства). Основная масса уехавших - физики, биотехнологи, информационщики. Эти профессии как раз и обеспечивают сегодня глобальное лидерство, на которых строится нынешний и будущие этапы НТР.

Еще существеннее объем "внутренней эмиграции" тех самых "мозгов". Примерами последней являются переквалификация (например, переход в сферу бизнеса, политики или управления), либо потеря научных школ, сопровождающаяся низкими доходами и социальной маргинализацией ученых. В результате, по тем же экспертным оценкам, в России на каждого эмигрирующего ученого приходится 10 оставляющих науку внутри страны. В целом за 1990-е годы российскую науку по разным причинам покинули 577 тыс. из общего количества 992 тыс. ученых, то есть численно она сократилась на 58%. Средний возраст занятых специалистов составляет 48 лет, кандидата наук - 53 года, а доктора наук - 60 лет.

В последние 15 лет государство почти полностью ушло из науки, а бизнес в нее так толком и не пришел, поскольку был больше поглощен простым сырьевым экспортом, переделом активов и, в лучшем случае, проеданием старого научно-технического потенциала. В результате произошло то, что и должно было произойти. Фундаментальная наука - не та область, которую можно финансировать частично, получая неполный результат. Финансируя науку наполовину от потребностей, толку получишь - один процент.

Кроме того, хроническое недофинансирование со стороны государства и специфика бизнеса периода "первоначального накопления капитала" привели также к усугублению проблем с продвижением научных разработок на рынок, разрыв между фундаментальной и прикладной наукой усилился. А в современном мире без их тесной интеграции невозможны ни серьезное инновационное развитие экономики, ни успешность и эффективность собственно фундаментальных научных исследований. В результате сегодня российская наука в лучшем случае дает обществу возможность цепляться за "передовые рубежи" развития 80-х годов прошлого века, но совершенно неадекватна задачам ближайшего будущего в развитии России и всего мира.

Согласно "Национальному докладу о развитии человеческого потенциала России за 2004 г.", Россия сейчас занимает меньше 1% на мировом рынке наукоемкой продукции, а США - 40%. При этом наши ученые-эмигранты, живущие только в США, обеспечивают до 25%

американского производства указанной продукции, что составляет 10% мирового рынка. Таким образом, российские ученые-эмигранты только в США производят в 10 раз больше наукоемкой продукции, чем их коллеги, оставшиеся в России.

Великий Ломоносов отмечал, что не так важно привлекать в страну новых жителей, как уметь создавать условия, которые заставят ее нынешних обитателей отказаться от поиска "лучшей судьбы". Если государство не начнет решать этот вопрос, то проблема утраты интеллектуального потенциала и качества человеческого капитала окажется для страны фатальной. Россия в отличие от ее отдельных граждан вне себя самой обрести какой-то "лучшей судьбы" не может.

ЕВРАЗИЙСКИЙ СОЮЗ

Еще одним фактором, предопределяющим будущее государства, является то, что XXI век - это эпоха формирования крупных "геополитических материков", новых межгосударственных и надгосударственных политико-экономических систем, глобальных общих рынков, культурных и информационных "ареалов влияния".

Близко к завершению формирование единой Европы. Существует американский проект "идеологической империи свободы". Постепенно нарастает экспансия китайских диаспор и формирование своеобразной культурно-демографической и экономической "всемирной Поднебесной". Быстро усиливается экономически и политически Ассоциация стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН). Очевидны перспективы интеграционных объединений на Латиноамериканском континенте, включая и формирование южно-американского общего рынка, и геополитическое взросление Южной Америки, в том числе в идеологическом противостоянии с Америкой Северной и ее лидером США. Подумывают о создании "общего рынка" даже процветающие в условиях нынешнего нефтяного бума арабские государства Персидского залива. В последнее время звучат даже идеи формирования "африканской федерации". Практически во всех этих случаях обсуждаются перспективы введения со временем единой валюты, как это произошло уже в Евросоюзе.

Все это и многое другое - признаки нового мира и примеры нового типа существования и развития государств в нем. В этом мире способность не выпасть из общего потока развития

определяется наличием у государства или группы государств собственного глобального интеграционного проекта, позволяющего развиваться и укреплять свои позиции. В том числе перед лицом таких новых явлений мирового масштаба, как международный терроризм или возникновение инфраструктуры институтов и механизмов "внешнего управления" развитием тех или иных стран. В конечном счете даже такие понятия и явления современного мира, как "несостоявшиеся государства" и "государства-изгои", часто отражают прежде всего именно отсутствие у соответствующих государственных структур глобальных интегративных возможностей или их сугубо изоляционистские стратегии развития.

Каковы перед лицом подобных тенденций развития современного мира перспективы России? Прежде всего нужно напомнить, что СССР был в свое время во многом аналогом подобного проекта формирования "геополитического материка". В том числе и поэтому распад Советского Союза мы справедливо считаем крупнейшей геополитической катастрофой.

Что касается нынешнего положения России и других постсоветских государств, то у них в долгосрочной перспективе есть скорее всего три возможных варианта будущего и собственного геополитического развития.

Во-первых, можно примкнуть к тому или иному глобальному проекту, как, например, это сделали многие страны бывшей Восточной Европы и Прибалтики, вступив в Евросоюз.

Во-вторых, можно рано или поздно попасть под внешнее управление и быть, таким образом, опять же включенными в тот или иной глобальный проект, но на заведомо проигрышных и подчиненных условиях. К сожалению, сегодня признаки подобного развития событий в ряде стран СНГ наблюдаются.

И, наконец, последний вариант - найти в себе силы на реализацию собственного глобального интеграционного проекта и сохранить на союзной основе свои самостоятельность и субъектность в новом мире.

Несмотря на принадлежность к европейской цивилизации, простое присоединение России к интеграционному проекту Евросоюза объективно невозможно. Такой эксперимент, скорее всего, плохо закончился бы для обеих сторон - в результате невозможности "переварить" весь комплекс политических, экономических, социокультурных, да и собственно геополитических проблем, которые при этом возникли бы.

Между прочим, аналогичные проблемы "воссоединения" с Европой характерны и для некоторых других стран бывшего СССР. После завершения последней волны расширения Евросоюза и интеграции Болгарии и Румынии ЕС на долгую перспективу будет закрыт для дальнейшего расширения. Будет адаптироваться к новым границам и новому уровню объединения, преодолевая внутренние напряжения, созданные как самими последними волнами расширения, так и оказавшимся столь трудным процессом принятия единой европейской конституции.

В результате та же Украина рискует превратиться в такого же "вечного кандидата" на членство в ЕС, каким является Турция. Причем на примере Турции хорошо видны последствия подобной ситуации - рост "евроскептицизма" внутри страны, осознание государством "подвешенности" своего состояния, то есть невозможности реализовывать в статусе "кандидата" собственный проект и стратегию развития.

Кроме того, Россия не может себе позволить избрать стратегию медленного, в течение 20-30 лет, присоединения к Европе. Такое присоединение могло бы сопровождаться угасанием самостоятельной роли России в мире и ослабевающей способностью противостоять внешним угрозам. Не исключено, что в таком случае через пару десятилетий в Евросоюз вступали бы "Кенигсбергская республика" и "Центрально-Черноземная федерация".

Очевидно, что подобная ситуация противоречит национальным интересам, а логика мирового развития диктует нам необходимость действовать если и не сегодня, то в обозримом будущем. К 2050 году и даже раньше России объективно предстоит интегрировать вокруг себя и своего проекта будущего часть мира, прежде всего постсоветское пространство и "мир соотечественников".

Все интеграционные форматы на пространстве бывшего СССР для решения подобного рода интеграционных задач пока неэффективны. Да, в сфере безопасности эффективно осуществляет свою деятельность Организация Договора о коллективной безопасности. Относительно успешным примером экономической интеграции является ЕврАзЭС. Однако родовые пятна "эсэнгового цивилизованного развода" продолжают отравлять попытки и реальные перспективы более быстрого, глубокого и масштабного объединения.

В свою очередь, не имеют реальных интеграционных перспектив и проекты типа ГУАМ. Отвлекаясь от громких деклараций, единственным смыслом их существования оказывается стремление доказать свою независимость от России. Причем доказать даже не самим себе, а авторам других глобальных интеграционных проектов.

Значит, необходимо выделить "ядро интеграции", каким в Европе 50 лет назад было франко-германское партнерство. В наших условиях таким новым интеграционным проектом, "интеграционным ядром" может стать в перспективе создание Евразийского Союза, способного объединить на первом этапе Российскую Федерацию, Белоруссию и Казахстан.

Из всех государств СНГ именно в России, Белоруссии и Казахстане политические элиты и народы обладают наибольшим потенциалом и готовностью к полноценной интеграции, даже несмотря на все существующие текущие трудности и проблемы. Именно у наших государств достигнут на сегодня наивысший текущий уровень интеграции. Он примерно соответствует уровню интеграции стран нынешнего Евросоюза в начале 80-х годов прошлого века.

Это значит, что, используя европейский опыт, в рамках Евразийского Союза можно в обозримом будущем реализовать программу интеграции до уровня, соответствующего нынешнему состоянию Евросоюза. Сформировать систему наднациональных органов. Прийти к формированию общего экономического, инфраструктурного, политического пространства. Сформировать единую внешнюю политику и политику безопасности. Создать единое гражданство и единую валюту. Разработать и принять единую Конституцию Союза.

Экономические же и геополитические вопросы глубокого уровня интеграции с другими постсоветскими государствами могут рассматриваться как стратегические, долгосрочные задачи. И решаться в будущем по мере "расширения Евразийского Союза" (по аналогии с процессами и "волнами" расширения Европейского Союза). А такие "волны расширения" обязательно последуют. Как только Евразийский Союз покажет свою эффективность и интеграционную привлекательность.

Это неизбежно произойдет потому, что в современном мире глобальная конкурентоспособность может быть обеспечена только благодаря интеграционным процессам. Интеграция является эффективным механизмом повышения благосостояния, уровня жизни обществ и всех граждан объединения. Эта цель достигается через макроэкономическое

регулирование, создание единой политической и судебной системы, формирование общего мобильного и свободного рынка труда, институт единого гражданства и многие другие решения.

Интеграция дает возможность формирования общего рынка и расширения спроса для национальных экономик, что сегодня является ключевым условием ускорения экономического роста России и структурной перестройки экономики, ухода от экспортно-сырьевой модели развития. Одновременно интеграционные механизмы позволяют сформировать принципиально новые отрасли и сектора глобальной экономической конкурентоспособности.

В свою очередь, создание макроэкономического "пакта стабильности" и формирование единого валютного пространства интегрирующихся государств позволит существенно повысить не только их роль в мировой экономике, но и создаст дополнительные импульсы для привлекательности и расширения интеграционного объединения. Что опять же работает на его глобальную устойчивость и "суверенитет".

Наконец, результатом реализации Россией совместно с другими постсоветскими государствами своего объединительного процесса должно стать создание "общего пространства" взаимодействия и партнерства двух глобальных интеграционных проектов нашего и европейского, что позволит существенно усилить их системное и совместное влияние в новом глобальном мире.

ПУТЬ РОССИИ В МИР БУДУЩЕГО

Сегодня Россия находится в ситуации решающего выбора.

От того, куда и как пойдет страна в ближайшие 5-7 лет, какой выбор будет сделан в принципиальных вопросах социально-экономической и внешнеполитической стратегии, во многом будет зависеть судьба России на несколько десятилетий вперед, вплоть до "Рубикона столетия" - 2050 года.

Стратегические цели развития страны должны быть определены и восприняты государственной политикой уже в ближайшей перспективе. Решения нужно принимать, отдавая себе отчет, что запас времени для маневра не так велик, как кажется или как хотелось

бы. Под влиянием факторов и тенденций глобального развития это "время на размышление" будет только сжиматься и сокращаться.

Ключевыми трендами глобального геополитического и геоэкономического развития в ближайшие десятилетия будет оставаться сжатие пространства планеты под влиянием глобализации экономики и роста численности населения Земли. Произойдет ускорение научно-технического прогресса при относительной неопределенности сути будущей НТР и конкуренции за лидерство в ней, усиливающей диспропорции в развитии различных политических и международных субъектов. Все большее значение будет иметь прогрессирующий дефицит традиционных невозобновляемых ресурсов планеты при повсеместном росте стандартов потребления. Сохранится и усилится тенденция формирования крупных наднациональных геополитических материков будущего, конфигурация и конкуренция которых предопределит особенности нового мирового порядка и новой политической карты мира.

Выход России на оптимальный сценарий развития до 2050 года определяющим образом зависит от способности переосмыслить в глобальном контексте новые требования, предъявляемые временем к государству и обществу.

Перейти от стратегии стабилизации страны к решению задач качественного модернизационного развития. Найти необходимые для этого ценности национального единства. Понять в чем заключается необходимое содержание не формального, но реально работающего в новом мире государственного суверенитета.

Исходя из всех уже проанализированных в книге факторов и тенденций, для России успешный "штурм будущего" связан с выполнением трех главных требований, при игнорировании или недостаточном учете которых возможен "срыв" страны с траектории движения вперед и ее выпадение из потока мировой истории.

Первое требование - это экономическая состоятельность государственного суверенитета и российской нации, что прежде всего означает отказ от сырьевой модели развития и эффективную структурную модернизацию экономики и национальной инфраструктуры.

Если же Россия недальновидно сохранит и продолжит воспроизводить сырьевую модель экономики, а национальные резервы и ресурсы, которые необходимо использовать для качественной экономической модернизации, будут продолжать умерщвляться в "фондах консервации отсталости", Россию может ждать негативный сценарий "Инерция истощения".

В этом случае в экономическом плане будет происходить закрепление текущего профиля развития экономики. Постепенно станут отмирать являющиеся для сырьевой экономики "аппендиксами" системы "сбалансированного производства" - тяжелая обрабатывающая промышленность, высокотехнологичные и наукоемкие предприятия. Произойдет постепенная деградация ВПК и отечественной науки, утрата потенциала которых будет означать прохождение нами "точки невозвращения" в авангард мирового развития и число стран - лидеров планеты.

Зависимость российской экономики, а значит и социальной политики, от колебаний международных рынков будет нарастать. Перспектива превращения в пресловутый "сырьевой придаток" станет безальтернативной реальностью, а при возможной интернационализации контроля над природными ресурсами фактический центр управления страной переместится вовне. При таком развитии событий Россию ждет безвольное "доживание последних дней", стремительное скатывание на периферию глобальной геоэкономики и политики без всяких надежд на будущее.

Второе требование - это демографическая достаточность государственного суверенитета и российской нации, что требует не только сохранения и приумножения российского народа, но и нового качественного освоения территории России и ее ресурсов, а также создания необходимого для модернизации "человеческого капитала".

Опять же, при невыполнении этого требования, Россию ждет сценарий национального краха, который может быть условно назван "Поглощение пустоты".

Не выработав эффективную программу демографической перестройки и наращивания качества человеческого капитала, Россия в перспективе нескольких десятилетий превратится в глобальном смысле в "пустое пространство".

В нем будет отсутствовать единая государственность, отдельные регионы окажутся в конечном счете отторгнуты и переварены соседними странами, его ресурсы будут интернационализированы. В довершение всего, в это пустое пространство как в резервацию будут сброшены все проблемы современного мира (миграционные волны, экологические отходы, международный терроризм и так далее).

Третье требование - это глобализационная адаптация государственного суверенитета и формирование геополитического материка для российской нации, что в перспективе потребует разработки проекта интеграции вокруг себя, своего видения и стратегии движения в будущее части стран и народов современного мира.

Даже при реализации относительно успешной и активной экономической и демографической модернизации наша страна не достигнет поставленных перед ней целей, если будет игнорировать задачи внешней цивилизационной интеграции и адаптации. Тогда нас ждет

"Отставание изоляционизма".

Основной тенденцией станет тотальная консолидация центров силы по периметру границ России. При этом "замыкание" России в себе лишит ее возможности оказывать принципиальное влияние на глобальное развитие и поставит в зависимость от взаимодействия и конфликтов между опоясывающими ее новым "санитарным кордоном" геополитическими материками.

Превращение России в подобную геополитическую периферию не только закроет для нее возможности экономической экспансии, но и сделает преимущественно объектом торга и размена в формировании глобального компромисса между новыми конкурирующими мировыми центрами. Дальнейшая перспектива сулит опять же раздел российских ресурсов, а

также начало разнонаправленной экспансии геополитических материков на территорию России. Эта экспансия предполагает сначала ценностную и идеологическую привязку отдельных крупных регионов страны к различным проектам будущего (европейскому, китайскому, исламскому), а затем и их территориальное поглощение.

Оптимистический и необходимый России сценарий развития до 2050 года предполагает безусловное выполнение трех вышеперечисленных требований. Чтобы обеспечить перспективу достижения этой цели, нужно уже сейчас, в сегодняшнем дне формулировать и ставить перед собой многие и многие объективно назревшие задачи, начинать делать многие и многие конкретные шаги вперед, из которых "по кирпичику" и будет складываться необходимая России на десятилетия вперед траектория глобального развития.

Уже в ближайшей перспективе необходимо перейти к практическим действиям в модернизации системы международных институтов и роли России в них.

Нам необходимо вести дело к складыванию новой глобальной коалиции обеспечения мирового лидерства, в которой ни у кого не будет контрольного пакета. Оптимальный сценарий предполагает постепенное, без катаклизмов, снижение непомерной ответственности Соединенных Штатов Америки за мировые дела и их самомнения по поводу груза такой ответственности, с пропорциональным усилением доли участия других глобальных субъектов, способных к конвенциональной, ответственной деятельности на мировой арене.

В конечном счете мы должны признать, что случившийся в последнее десятилетие выход США "из себя", претензии Соединенных Штатов на мировое единоначалие и попытки экспансии американского суверенитета буквально на все мировые дела имеют ряд совершенно очевидных причин. Одной из главных здесь является утрата эффективности ранее существовавших международных механизмов выработки и принятия решений, соответствующих институтам международной коллективной безопасности. Кроме того, за последние годы мировое сообщество так и не смогло серьезно продвинуться в реальном, а не только словесном осознании этой проблемы. В реальной, а не только ограничивающейся благими намерениями и пожеланиями работе по модернизации существующих

международных институтов и формированию их новой системе, отвечающей современным реалиям, новым глобальным вызовам и задачам.

Вот почему уже более чем актуальной задачей является реформа ООН и ее Совета Безопасности, призванная возродить роль Организации и окончательно закрыть возможности "однополярных" стратегий в современном мире. Точно так же вступление России в ВТО не должно свестись просто к выполнению инструкций. Его необходимо использовать для активной работы по модернизации организации и созданию более справедливых правил международной торговли.

Сегодняшняя ВТО посягает на права государственной поддержки национальных производителей в угоду интересам импортеров продукции. Стремление оградить мировую торговлю от вмешательства со стороны национальных правительств не соответствует реалиям нового мира и тенденциям его развития. Новые правила игры на мировых торговых рынках должны исключить дискриминацию стран в зависимости от времени их присоединения к ВТО, а также оставить за национальными правительствами право задавать направление развития внутренних рынков и содействовать тем национальным производителям, деятельность которых критична с точки зрения концепции сохранения национальной идентичности.

Несомненно, что в ближайшие годы более чем остро встанет и вопрос о выработке нового Глобального экологического пакта устойчивого развития, поскольку система Киотского протокола не только является лишь частичной мерой, но и, сверх того, стремительно устаревает, даже не начав полноценно работать.

Ключевое значение приобретает достижение в течение 2007 года нового стратегического соглашения с Евросоюзом.

Такое соглашение на перспективу ближайших десятилетий способно стать главным документом, определяющим модель наших взаимоотношений с глобальной коалицией Запада,

причем не только в энергетической сфере. Именно поэтому его проработке и поиску баланса интересов необходимо уделить особое внимание. Одновременно продвижение в создании системы "единых пространств" с Евросоюзом следует использовать для отработки интеграционных технологий на постсоветском пространстве, учитывая перспективу перехода в будущем к созданию Евразийского Союза.

В ближайшие годы следует предпринять усилия по формализации и институционализации ныне виртуальной группы БРИК. Очевидно, что формирование реальных контуров сотрудничества и интеграции четырех "лидеров будущего" в лице Бразилии, России, Индии и Китая будет иметь существенное значение для укрепления совокупного влияния этих стран в глобальной экономике и политике. В перспективе к коалиции БРИК могут присоединиться и иные бурно развивающиеся страны. При этом Россия, обладая статусом постоянного члена СБ ООН, а также члена "Большой восьмерки" может создать условия для укрепления позиций Бразилии и Индии в ООН и одновременно выступить модератором диалога старых экономических лидеров в лице входящих в восьмерку стран Запада с новыми экономическими лидерами мира в лице БРИК, тем самым еще больше нарастив свой потенциал влияния на глобальную политику.

Непосредственно же в рамках "Большой восьмерки" главной задачей для России будет оставаться на среднесрочную перспективу диалог с "коалицией Запада", включая снижение однополярного доминирования США даже в рамках самой этой коалиции и ее глобальной стратегии.

В целом России следует и дальше развивать и наращивать плюралистическую стратегию присутствия в разнообразных по своим принципам, стратегиям, географическим ареалам и составу участников международных организациях сотрудничества и диалога. Помимо "восьмерки", возможных для институционализации в будущем организации БРИК и, например, "газовой ОПЕК", это - и Шанхайская организация сотрудничества, и Азиатско-Тихоокеанский форум экономического сотрудничества, и партнерство с Евросоюзом, и интеграционные проекты на постсоветском пространстве - от рамочного СНГ до требующих эффективного развития ЕврАзЭС и ОДКБ.

Именно такая стратегия в современном мире способна запускать "мультипликатор глобального влияния", механизм которого основан на том, что "ресурсы участия" в международных проектах сотрудничества, которыми располагает Россия, будут не суммироваться, но перемножаться, если государство способно организовать взаимодействие между такими проектами и обладает наилучшими навыками интегратора по сравнению с другими странами.

Одновременно с решением глобальных задач на международной арене, России требуется реализовать ряд определяющих стратегическую перспективу проектов и программ внутреннего социально-экономического развития.

Пересмотр места и роли России в системе глобального энергетического обеспечения открывает продуктивный выход из тупика финансовой политики правительства.

Отказ от наращивания ресурсного экспорта в пользу экспорта продукции высокой степени переработки и экспорта технологий снимает с повестки будущего проблему стерилизации шальных нефтегазовых доходов и очищения от них реальной экономики страны. Выход России из петли экономики "сырьевого придатка" позволит отказаться от нынешней идеологии Стабфонда (независимо от того, как он будет называться), до сих пор существующего как фонд "запрета на развитие".

Уйдя от экспортно-сырьевой зависимости, переориентировавшись на собственное производство и экспорт готовой продукции в энергетической сфере, получив импульс для развития отечественной промышленности и научно-технического прогресса, экономика России сможет безболезненно впитывать в себя "энергетические доходы".

Глобальная борьба за лидерство в энергетической сфере, за поиск путей решения глобальных мировых проблем будут объективно способствовать использованию "благородных" нефтяных доходов на нужды социального развития страны и обеспечения национальной безопасности.

Что же касается нынешних уже накопленных "мертвых резервов", то их возвращение к жизни и применение во благо России по-прежнему требуют выделения из нынешнего Стабфонда Фонда развития России, Фонда будущих поколений.

Здесь следует использовать достаточно широко распространенную в мире практику, когда создается не один, а два фонда, один из которых играет роль антикризисной финансовой "подушки" бюджета, а другой предназначен для целей развития. Нужно понять, что сформировать Фонд развития, Фонд будущих поколений - это значит не вновь откладывать средства в кубышку и под проценты (этого мы уже наелись со Стабфондом), а здесь и сейчас вкладывать средства в развитие страны, развитие экономики, решение демографических, инфраструктурных и иных стратегических задач развития России.

При этом если "накопительный" Стабфонд может оставаться в ведении правительства, то определение приоритетов и направлений использования Фонда развития следует передать или специальному Совету при Президенте России или ныне существующему Совету по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политике. Предусмотрев при этом соответствующее расширение самой системы нацпроектов, прежде всего за счет программ диверсификации и инновационного развития экономики. Подчеркнем: именно экономики!

Это означает, что существенная часть сегодняшних нефтяных доходов должна быть целевым образом направлена на обеспечение государственной части обязательств в инфраструктурной, социальной и модернизационной сферах.

Это прежде всего ориентированная на "сверхиндустриализацию" и участие в новой НТР структурная перестройка экономики. Возрождение науки, формирование мощного инновационного производственного сектора и системы приоритетных для России прикладных научных направлений. Опережающее финансирование реформируемых социальных секторов,

развитие национальной инфраструктуры, реализация на долгосрочной основе программы "сбережения народа", демографического восстановления и роста страны.

С учетом отказа от экспортно-сырьевой экономики, необходимости переориентации производственных фондов ТЭК, особенно назрела и потребность в выборе идеологии развития транспортной инфраструктуры страны. Внешняя энергетическая транспортная система должна быть не только и не столько ориентирована на поставки на Запад и в страны АТР сжиженного природного газа и нефти, сколько стимулировать будущий экспорт энергопродуктов. Сырьевая же специализация необходима внутренней энергетической транспортной системе - для соединения между собой новых перерабатывающих производств внутри России с российскими же месторождениями.

Следует еще раз подчеркнуть, что в новом столетии, чем дальше, тем больше, глобальные процессы будут определяться экологическим и биологическим выживанием человечества. Отсутствием новых неосвоенных земель и пределами их эксплуатации. Демографическими пределами. Усиливающейся конкуренцией за доступ к плодородной почве и чистой воде. Наша страна объективно и неизбежно окажется в самом центре этой борьбы. Борьбы, которая будет становиться все более ожесточенной по мере увеличения крайне опасного уже сегодня перепада "демографического давления" - обезлюдивания России на фоне продолжающегося ускоренного роста населения наших близких и дальних соседей.

Чтобы сохранить свои международные позиции, свои природные и экологические ресурсы, свой контроль над ними, с одной стороны, эти ресурсы необходимо будет частично вкладывать в интеграционные проекты, формировать на их основе систему региональных и глобальных альянсов российского влияния и доминирования. Именно поэтому наряду с реализуемой нами уже сегодня энергетической стратегией не меньшее значение имеют и такие, например, системные инициативы, как проект переброски части стока сибирских рек на юг, в регион Центральной Азии.

Одновременно, поскольку Россия обладает самыми существенными в мире земельными ресурсами, запасами продуктивной пашни, то развитие страны в полном смысле слова зависит от нашей способности правильно распорядиться и освоить "золотой земельный фонд". Роль сельского хозяйства, сельского освоения территории государства, полноценного развития жизни деревни является ключевой в стратегии будущего России в XXI веке.

Здесь России необходимо осознать и решить две ключевые задачи. Во-первых, всячески и массированно поддержать различными мерами государственной поддержки реструктуризацию сельского хозяйства, аграрного сектора экономики, приход в сельское хозяйство бизнеса и частных инвестиций. Это означает создать эффективное землевладение, эффективную собственность на землю, вернуть земле хозяина.

Одновременно нужно решить поистине фундаментальную социологическую проблему - обеспечить возвращение людей в деревню. Сохранение необходимого уровня сельской колонизации территории России, недопущение гипертрофированного роста городов - это крайне важные для сегодняшней России задачи. Нужно обеспечить полноценные возможности для самореализации человека, если он живет в деревне. Причем, еще раз подчеркну, для самореализации не только в аграрном производстве, но и в любых других сферах. При этом дезурбанизация, выравнивание города и деревни, модернизация сельской инфраструктуры, строительство в России новых поселков и малых городов станут важнейшим инструментом демографического роста, повышения рождаемости и продолжительности жизни населения.

Поэтому сегодня крайне необходимо расширить и дополнить национальный проект "Сельское хозяйство" полноценной программой возвращения к жизни российского села. Необходимы современное жилищное строительство на селе, развитие дорожной сети, газификация, создание принципиально нового качества образования и здравоохранения на селе, развитие торговли, сферы культуры. В современном информационном обществе решающее значение имеет и развитие связи, создание нового информационного пространства

сельской жизни. Информация и электронные коммуникации - это те "ключики", благодаря которым могут исчезнуть многие проблемы и неудобства сельской жизни, может повыситься ее привлекательность, например, для сельской молодежи, да и для горожан.

Говоря, и правильно говоря, сегодня о "сбережении народа" как главном национальном приоритете, необходимо сделать особый акцент на том, что в силу стоящих перед страной демографических вызовов, Россия просто не может себе позволить растрачиваться, хоронить молодых и трудоспособных. Каждый год Россия теряет до 40 тыс. жизней в автокатастрофах. Еще не менее 50 тыс. жизней - непосредственно в алкогольном угаре, хотя здесь еще не учитываются потери от сопутствующих алкоголизму заболеваний, что повышает оценку в несколько раз. Еще до 100 тыс. жизней в год уходит в наркоманском кайфе и связанных с ним последствиях. Это значит в ближайшие пять лет Россия может потерять только от этого безумия до миллиона своих граждан. Очевидно, что жесткие и четкие программы снижения потерь населения от подобных явлений должны стать абсолютным приоритетом для власти и ведущим критерием оценки ее эффективности.

Приоритетом для России становится разработка и реализация целевой национальной программы возвращения на Родину интеллектуального, научного, постиндустриального потенциала нации.

У "утечки мозгов" много негативных черт, но есть и позитивные. Одна из них в том, что эти люди за последние годы не только остались в науке, но и существенно продвинулись в своих исследованиях, в профессии, в интеграции в глобальную науку и экономику, в понимании закономерностей, тенденций и потребностей развития мира. Это неоценимый опыт, который необходим нашей стране, реформе нашего образования, нашей науке, модернизации нашей экономики, в конце концов - нашему государственному управлению.

Запрос государства на возвращение российских специалистов-исследователей достигнет цели лишь при условии стимулирования государством инновационной экономики,

формирования именно государством полноценного "пакета" приоритетных и прорывных для России научно-прикладных направлений исследований, а затем - активного внедрения результатов этих НИОКР в государственное управление и производственные процессы.

При этом российская наука, обладающая колоссальным опытом, находится в настоящее время, мягко говоря, в не лучшем состоянии. Доля затрат на НИОКР в России составляет около 1% ВВП, в то время как в Германии, США и Японии - от 2,6 до 2,8%. Даже широко разрекламированное в СМИ выделение 4,8 млрд долл. на финансирование федеральной целевой программы по развитию научно-технологического комплекса не выдерживает международного сравнения: компания "Дженерал моторс" заявила в 2006 году о том, что собирается вложить в разработку инновационных технологий 15 млрд долл. в течение ближайших 5 лет.

Совершенно очевидно, что российская наука нуждается в значительном повышении финансирования, причем это задача именно государства. Государство должно ставить перед научным сообществом конкретные инновационные задачи, финансируя в достаточном объеме наиболее перспективные исследования и разработки. Сопровождая это созданием различных венчурных фондов, технопарков, свободных экономических зон и привлекая тем самым в науку еще и бизнес, мы сможем совершить качественный скачок в развитии собственного научно-технического комплекса, опираясь на ряд приоритетных направлений.

Среди этих направлений - во-первых, поиск новых технологий использования энергетического потенциала невозобновляемых природных ресурсов. Россия может претендовать на статус "энергетической сверхдержавы", только ставя перед собой долгосрочные задачи по повышению экологической и производительной эффективности традиционных методов добычи и переработки полезных ископаемых. По разработке технологий освоения нетрадиционных (не использующихся сегодня как источники энергии) "грязных нефтегазоносных ресурсов". По разработке технологий производства энергии на основе биологических и органических видов топлива. Ядерная энергетика также должна остаться одним из главных приоритетов энергетической политики государства, тем более, что здесь Россия имеет стратегические конкурентные преимущества: ресурсную базу и немалый внедренческий и эксплуатационный опыт.

В 70-е годы прошлого века "энергетическая революция" уже имела место, и ничто не страшит Россию от повторного проявления данного научного феномена, тем более что сейчас в нем объективно заинтересованы почти все ведущие экономики мира. Именно поэтому России важно встать во главе этого научно-инновационного процесса, управляя технологическими изменениями себе во благо.

Второй ключевой областью научного прогресса являются биотехнологии.

Уже признано, что XXI век будет веком реванша биологии над физикой. Внедрение биотехнологических разработок позволит не только повысить конкурентоспособность российской экономики, но и решить целый пласт социальных проблем.

Например, вопросы демографии нельзя решить без кардинального повышения здоровья, продолжительности и качества жизни граждан России. И мы должны понимать, что развитие отечественных биотехнологий, основанной на этом "индустрии здоровья" России - это главнейшее направление структурной перестройки российской экономики, ее соответствия требованиям XXI века, задачам постиндустриального мира.

Существенно также внедрение биотехнологий, экологических технологий в ведении сельского хозяйства. Это позволит формировать класс новых фермеров, повысить уровень обеспечения национальной продовольственной безопасности, увеличить экспортный потенциал экологически чистых продуктов.

Еще одним очевидным приоритетом для России являются космические технологии, использование сохраняющихся конкурентных преимуществ российской фундаментальной науки в целях продолжения освоения космического пространства.

Очевидно, что обороноспособность страны во многом будет зависеть именно от интенсивного развития высокотехнологичных космических проектов двойного назначения, учитывая расширяющийся охват американской системы ПРО и активное проникновение в

космос Китая и Индии. Имеет смысл уделить внимание и развитию космической энергетики, добыче полезных ископаемых, выносу в космос ряда производств. Такие проекты только сегодня кажутся во многом научно-фантастическими, тогда как к середине столетия они будут повседневной реальностью.

* * * * *

Для тех, кто прочитал эту книгу до конца, к словам благодарности и признательности я хочу добавить: среди вас, уважаемые читатели, найдутся и мои единомышленники, и критики. Но я рад обрести и соратников, и оппонентов. Потому что считаю, что главная и общая для всех нас задача состоит в том, чтобы начать серьезно обсуждать поставленные вопросы, начать действовать.

Плодом этих дискуссий должна стать Доктрина развития России в глобальном мире, а степень соответствия государственной политики целям и задачам последней - одним из главных критериев эффективности системы государственной власти и управления.

В истории России XX века есть две даты, главные для величия и единства нации. Это Великая Победа 9 мая 1945 года. И ставший символом триумфального прогресса человеческой цивилизации полет Гагарина 12 апреля 1961 года. Это и есть наша с вами национальная идея.

Способность и готовность отстаивать свою свободу и независимость. Способность и готовность к преодолению новых горизонтов в развитии своей страны и всего человечества.

Какие вехи и даты станут для нас главными в XXI веке, мы пока точно не знаем. В этом смысле проект "Россия 2050", о котором я говорил в этой книге, является лишь самым общим ориентиром.

Но это не меняет сути дела. Россия должна четко осознать свои задачи в современном мире и сама стать теми изменениями, которые хочет увидеть. Той силой, которая сможет воплотить в реальность эти изменения и найти себя в будущем всего человечества.